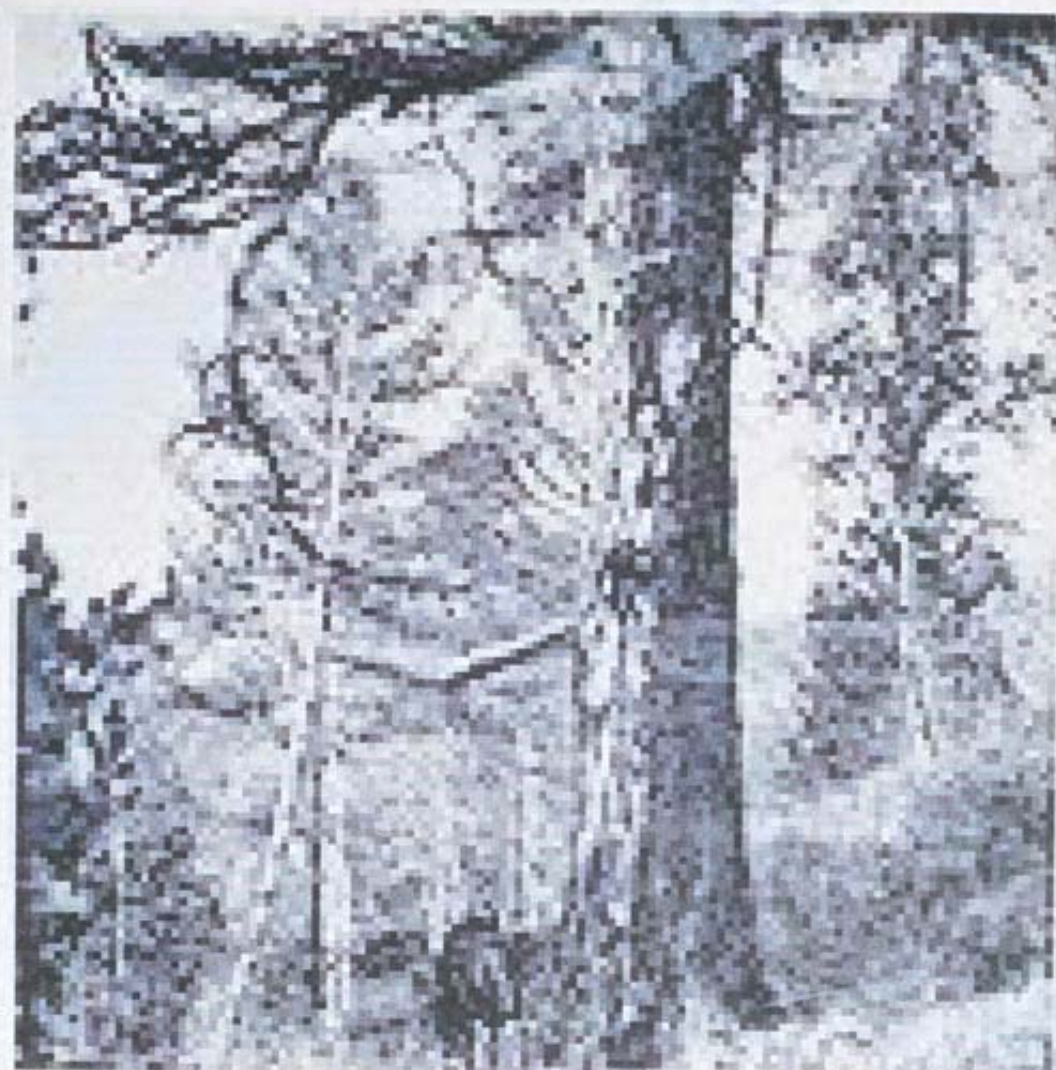

26.89(235.55)

T 50

В Т О Б О Л Я К О В

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА
ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ • 1930 •

26.89(235.55)

Т 50

«ОТ НАШЕГО КРАЯ—В ШИРОКИЙ МИР»—№ 3
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. Б. А. КЕЛЛЕРА

ВЛ. ТОБОЛЯКОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

СОСТАВЛЕНО ПО ДНЕВНИКАМ Б. Н. ГОРОД-
КОВА, РУКОВОДИВШЕГО ЭКСПЕДИЦИЯМИ
АКАДЕМИИ НАУК НА ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

С 17 фотографиями

-6198-аб

Государственное учреждение
«Национальная
библиотека ЯНАО»

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ
МОСКВА — 1930

21 тип. «Мосполиграф».
Москва, Варварка,
Елецкий пер., 7.
Главлит А—56282
Тираж 15.000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уральский хребет, протянувшийся на 2.000 километров, делится на три части: южную — от 50 до 55 параллели, среднюю — между 55 и 61 параллелью и северную — от 61 параллели до Ледовитого океана. Причем часть Северного Урала от 65 параллели до Ледовитого океана носит наименование Полярного Урала.

Честь первого знакомства с сибирскими обитателями принадлежит, как известно, предприимчивым новгородцам, которые уже в XI веке имели с ними торговые сношения.

Можно думать, что в нынешний Обдорский край новгородцы переваливали через Северный Урал, о котором так говорится в одной из летописей:

«В восточной стране есть иная самоедь, зовома Каменьская: облежит около Югорские земли. А живут по горам по высоким, а ездят на оленях и на собаках, а платие носят соболие и оление, а ядь их—мясо оление, да собачину и бобровину сыру едят, а кровь пьют человечу и всяку».

Речь идет, очевидно, об остяках и самоедах, и ныне кочующих по предгорьям Северного Урала.

В 1499 году новгородцами был совершен большой поход за Северный Урал под предводительством князей Курбского, Ушатого и Бражника, начальствовавших над 5.000 устюжан, двинян и вятчан.

Поход этот подробно описан в разрядных книгах. Вот результаты его: «и убили воеводы на Камени самоеди 50 человек и взяли 200 оленей. От Камени шли неделю до первого

городка Ляпина; всех по та мест шли 4.650 верст. Из Ляпина встретили на оленях Югорские князи, а от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках. Ляпин взяли и поимали 33 города, да взяли 1.009 человек лучших людей, да 50 князей привели. Да Бражник взял 8 города да 8 голов».

Этот год и считается годом окончательного покорения всей Югорской земли. Югорами же новгородцы называли народы, жившие по обеим сторонам северной части Урала.

До середины прошлого столетия Северный Урал был вообще мало известен. Последующие затем путешествия, хотя и открыли нам эту страну, но не осветили достаточно всех громадных пространств Северного Урала, в частности восточного склона его к северу от 62 параллели.

Поэтому представлялось заманчивой задачей заняться изучением этой обширной территории, остававшейся белым пятном на картах Северного Урала.

В 1924 году Академией наук СССР и Уралпланом для этой цели была организована северо-уральская экспедиция.

Работы экспедиции начались в том же 1924 году в Полярном Урале близ верхнего течения реки Соби.

В 1925 году экспедицией был разведан Полярный Урал в верховьях реки Соби и Войкара.

Заданием третьего года (лето 1926 года) своих работ экспедиция ставила производство ботанических, геологических и зоологических исследований восточного склона Полярного Урала в верховьях рек Войкара, Сыни и Ляпина.

Кроме того, конечно, предполагалась съемка и определение астрономических пунктов, необходимых для правильного нанесения на карту полученных топографических материалов.

Руководил третьей экспедицией (как и первыми двумя) Б. Н. Городков. В качестве сотрудников были приглашены: студент Ленинградского университета А. М. Носков (астроном), топограф Уральского геодезического управления А. Ф. Беспалов, аспирант Ленинградского университета А. Ф. Алешков (геолог), В. Б. Сочава (ботаник) и К. К. Фле-

ров (зоолог). Завхозом экспедиции назначили М. И. Гридина. Все это были испытанные люди, а некоторым из них, как Беспалову, Алешкову и Гридину, не впервые доводилось увидеть вершины Полярного Урала.

Нижеследующее описание повествует именно о третьем путешествии северо-уральской экспедиции.

ГЛАВА I

Сотрудникам экспедиции предлагалось выехать из Ленинграда в начале мая с таким расчетом, чтобы попасть в город Тобольск к отходу первого парохода, идущего «на низ», т. е. в низовья реки Оби.

Но предварительно в январе для устройства трех складов продовольствия в горах и найма оленей для летнего передвижения экспедиции отправляется на Север завхоз.

В городе Тюмени завхоз последний раз слышит паровозные гудки. На следующий день их заменяет позвякивание колокольчика да скрип полозьев кошевы.

В Тобольске завхоз задерживается недолго. Его страшит неудержимо надвигающаяся оттепель. Он с тревогой щурится на яркое солнце и с замиранием сердца взирает на ледяные сосульки, бахромой лепящиеся по карнизам тобольских крыш.

— Весна, весна скоро!..

Завхоз научен горьким опытом своего прошлогоднего предшественника. Этому неудачнику из-за распутицы пришлось бросить на полпути весь экспедиционный обоз.

До села Мужей, куда стремится завхоз, около 1.500 километров однообразной снежной дороги. За Тобольском дорога очень избита, ухабиста, и лошади могут идти только гусем. Сибирские лошади приучены нестись с гор «в мах», и завхоз еле сидит в кошеве, когда кони летят вниз с крутого берега Иртыша на более ровную дорогу по реке.

— Держи, чо-орт, право! — кричит ямщик на встречные бесконечные воза с мороженой рыбой, укрытой рогожами.

— Сам порожной, сам и сворачивай!!—орут в ответ рыбаки.

Лошади лезут по грудь в снег, барахтаются, вздымая колючую белую пыль. Кошева становится на «попа».

— Надо вылезать!—кряхтит завхоз и, путаясь в огромной шубе-«запахашке», покидает нагретое место и помогает вытягивать кошеву.

У завхоза путаются ощущения дня и ночи; по дороге он мечтает лишь об одном: когда же мелькнет сквозь разрисованное морозом стекло огонек в окне станка? Тогда, разминая затекшие, точно не свои ноги, пойдет он греться. В руках у него мешок с замерзшими, словно свинцовыми пельменями.

— Свари-ка, хозяйка!

Сядет он за стол у дымящегося горшка, а ложка еле будет держаться в его одеревеневших пальцах. Они покраснеют, и иглами начнет покалывать в них потеплевшая кровь...

К селу Мужи завхоз лихо подкатывает в конце марта. Он тотчас же приступает к оборудованию продовольственных баз. На оленях он едет в горы. Летом здесь—болота, комар, и с тяжелым грузом не пробраться никак. Завхоз везет мешки черных сухарей, крепкие сушки, которые не разрубишь и топором, макароны, крупы и сухие фрукты. В запаянных жестянках путешествуют с ним масло, сахар и соль.

Он ставит с помощью зырян два чума. Один—в верховьях реки Нельки (приток Войкара), второй—на реке Лапте (приток Сыни).

Он оставляет в чумах двух сторожей-зырян. Им все равно, где жить: в Мужах или в горах. Прощаясь, он говорит им:

— До июля ждать будете!

И на пальцах показывает пять месяцев.

— Ладно!—отвечают зыряне и остаются в чумах.

Завхоз едет затем в верховья реки Ляпина. Но здесь, особенно в горах, масса снега. Олени выбиваются из сил,

останавливаясь и падая. На третьем привале проводник-зырянин молча смотрит на измученных оленей, шестом-«хореем» меряет по сторонам глубину снега и решает:

— Нельзя ехать! Зарежем оленей. В прошлом году можно было...

Ночь завхоз проводит на снегу, потом возвращается обратно в село Мужи.

Там он идет на радиостанцию, и через день летит в Ленинград телеграмма о первой неудаче.

За ней следуют и другие.

Осенью в Мужах была большая вода. Обь упорно не хотела худеть, и луга долго не могли сбросить холодные волнистые одеяла. Трава погибла почти вся, и весной скот начал падать. Коровенки жалобно мычали в стойлах. Ребра у лошадей выступали все явственней. Ноги их слабели.

Из закупленных для экспедиции лошадей пало уже две.

В начале мая в Ленинград приходит новая телеграмма из села Мужей:

«Академия наук. Северо-уральская экспедиция. Необходим фураж. Вчера сдохла третья лошадь. Крайне необходим фураж. Гридин».

ГЛАВА II

В этом году у сотрудников экспедиции оказалось по четыре весны. Весны были всамделишные, настоящие. С таянием снегов, с первым журчаньем вод, с распусканием деревьев и прилетом птиц.

Первую весну мы встречаем в Ленинграде. В Лесном порхают скворцы, синее и трогается Нева. Мы заканчиваем последние сборы. Получаем инструменты и деятельно готовимся к ютъезду.

Наконец, седьмого мая мы в поезде. Паровоз гудит, и мы едем в Сибирь.

Соседи—обычные вагонные люди. Кто-то укладывается спать и жалуется на жесткость скамеек.

— Эх, это что!—говорит старческий голос.—А я вот люблю спать, на чем трава растет!..

Мы улыбаемся: нынче и нам все лето придется спать, на чем растут трава, мох и лишайники.

За стенкой разворачивается картежная игра. Играют, видимо, в 66. Карты кроют с азартом, крепко, слышно, как они шлепают.

— Тут-то она ему и сказала: ты за мною, мальчик, не гонись!—все время повторяет, приговаривает один из игроков.

Под это бормотанье засыпаем. Теперь все успокоились, утихомирились, и лишь одна забота терзает нас: ко времени, не опоздав, попасть в Тобольск...

В Тюмени мы покидаем недоевшие вагоны. Тюмень — захудалый провинциальный городок.

Административные центры передвинулись теперь в Свердловск, Омск и Новосибирск. Торговое значение Тюмени невелико. Река Тура, на которой стоит город, мелководна и не допускает плавания глубоко сидящих пароходов. Нередко летом и осенью пароходам приходится привязывать к пристаням кормы цепями и канатами, иначе, заворачивая, пароход может задеть носом противоположный берег.

На пароходе мы отправляемся в Тобольск. Над рекой несутся с криками чайки, называемые здесь мартынами. Вскоре мы замечаем первый кедр, зеленеющий у татарских юрт. Он растет около старой мечети, на стенах которой виднеются фальшивые окна, обведенные желтыми рамами.

Сутки спустя, 18 мая, мы видим смену вод. Ночью мы прошли Туру, вошли в Тобол, а сейчас квасная, темная вода Тобола вливается в мутные, илистые воды старого Иртыша (по-татарски Иртыш означает: «река, роющая землю»).

Вдали на высоком берегу громоздятся величавые главы тобольского собора, и белеют здания бывших присутственных мест.

— Не ушел ли первый обский пароход?—спрашиваем мы у поднимающегося в рубку штурвального в шубе.

— Какое! — на его изъеденном оспой лице появляется улыбка. — Какое! Лед еще в Самарове стоит!

— В Самарове?! Всего четыреста километров от Тобольска?! А мы торопились...

Толпа любопытных тоболяков, созванная пароходным гудком, чернеется на пристанской конторке. Мальчишки выезжают на лодках покачаться на волнах, поднимаемых колесами нашего парохода.

На берегу нас ожидает печальная телеграмма завхоза о бескормице и категорическое требование фуража.

Мы идем говорить с пароходным агентом.

— Сено можно провезти?

— Никак нельзя! — отвечает он, пощелкивая на счетах. Завлекательные пароходные объявления цветут на стенах его кабинета. — Никак нельзя! Обязательное постановление о противопожарных мерах за № 224...

Он, видимо, знаток приказа и наизусть выговаривает его нам. Мы не уходим. Даем агенту телеграмму завхоза. Он, не спеша, читает ее до конца. Даже переворачивает, полагая найти что-нибудь на оборотной стороне ее. Потом кладет телеграмму на стол, хлопает по ней ладошкой и говорит:

— Никак нельзя!.. Обязательное постановление о противопожарных мерах за № 224...

— Знаем, знаем!.. Но все-таки... Ведь мы едем с научными целями... — вступается геолог, нащупывая почву.

И вручает ему удостоверение, выданное нам Академией наук. Агент читает и его, пальцами осязает добротность бумаги, на которой оно отпечатано, скребет меховую, давно небритую щеку и говорит:

— Ладно уж... Только уж как для науки.

— Значит, можно везти прессованное сено? — радостно резюмируем мы.

— Сена нельзя, — загадочно твердит агент. — Но хмель можно. Согласно постановления... хмель разрешается...

— Позвольте?!—возмущается зоолог.—Что у нас лошади—алкоголики, что ли?! Хмелем мы будем кормит лошадей?!

— Нет, вы будете кормить их сеном. Но сено есть сено, а почему бы ему не быть и хмелем?..

Он подмигивает нам и добавляет:

— Только уж как для науки...

Впрочем, пароходство тоже не прогадает. Мы повезем сено по самому высокому хмельному тарифу. Хмеля отправляют на север очень много. Там идет он на пиво, не уступающее по крепости и самогону, который северяне не могут гнать из-за недостатка хлеба. С хмелем расходуется масса сахара, и в прошлом году обдоряне наварили столько пива, что извели весь сахар, нечего в чай было класть, и сахар пришлось спешно доставлять из Мужей...

— Когда же пойдет первый обский пароход?—на прощанье спрашиваем мы у агента.

— Не ранее начала июня!

Итак, мы сидим в Тобольске еще две недели, встречаем здесь вторую весну и знакомимся с этим городом—прежней столицей Сибири...

23 октября 1581 года, в студеной осенний день, у подножья высокого берега при слиянии Иртыша и Тобола произошла одна из самых жестоких битв дружины Ермака с татарским царевичем Маметкулом.

«Бысть сеча зла,—говорит летописец,—за руце емлючи, сечахуся».

Сам Кучум неподвижно стоял на вершине соседней горы и наблюдал за ходом боя. До Кучума долетали крики его воинов, непонятные слова казаков и ужасные выстрелы их пищалей.

А впереди всех бился высокий Василий Тимофеевич Оленин-Повалский, исполнявший когда-то на волжских стругах обязанности артельного кашевара и прозванный за это Ермаком, что и значит—артельный котел.

К вечеру татары отступили, Кучум бежал, и дело кончилось его полным поражением, хотя и казаки потеряли одними убитыми 107 человек.

На месте битвы Ермаком был заложен острог Тобольск. Власть города росла быстро, и в XVI веке Сибирская губерния насчитывала 30 городов и простиралась от Великого Новгорода до восточного берега Камчатки.

С учреждением наместничества в Тобольск прислали царский трон. По этому случаю во многих местах города были выставлены целые жареные быки, с рогами и с вложенными в их пуза жаркими и другими кушаньями. На улицах громоздились бочки водки и пива, в подставленные кадки било фонтанами виноградное вино. Наместники, стоя на нижней ступени трона, принимали представителей городского общества.

Но уже в XVII веке Тобольск теряет свое торговое и административное значение, превращаясь из столицы Сибири в обыкновенный заброшенный губернский город, а ныне окружной.

Больше всего Тобольск известен как место ссылки. В него ссылали не только людей: Борисом Годуновым был прислан сюда в ссылку карноухий колокол за то, что в него били в набат при убийстве царевича Димитрия. За колоколом следовали пленные из-под Полтавы шведы, в двенадцатом году французы, потом декабристы и польские повстанцы.

Многие из этих ссыльных во время своего пребывания в Тобольске не мало принесли ему пользы. Шведы отвели русло Тобола, прежде подмывавшего высокий берег Иртыша, и основали здесь школу для обучения русских детей. Декабристы оказывали значительные моральные и материальные пособия учащимся и окольным крестьянам. Декабрист — бывший штаб-доктор — Вольф ни днем, ни ночью не отказывал никому в своей бескорыстной помощи.

Не миновал тобольской ссылки и последний царь Николай Романов. Теперь в Тобольск ссылают главным образом валютчиков, которые иногда тоже выдают себя за князей.

ГЛАВА III

4 июня пароход «Гусихин» медленно отходит от бортов тобольской пристани. Тихо, не спеша, начинают шлепать колеса, пароход дает последний прощальный гудок. С пристани машут платками и шапками. Пенистая дорога стелется позади парохода. Мы совершаем тот же путь, что и наш завхоз зимою.

Минуем единственный город на нашем пути—Березов—место ссылки и смерти бывших властелинов-временщиков—Меньшикова и Остермана.

Наконец, на пятые сутки показывается вдали тонкая радиомачта. Низкий обский берег приближается, вырисовываясь все выше и выше. Виднеется крест церкви и ряд избушек на обрывистом берегу. У пристани дымят грузовые пароходы, стоят на приколе баржи. Это караван судов Обь-треста, который из-за льда не может продвинуться дальше. Мы поднимаем воротники. Снег хлопьями кружится около нас и временами совсем скрывает Мужа.

На берегу куча народа, вышедшего встречать первый пассажирский пароход.

— Отдай чалку!—кричит капитан.

— Трави носовую!—вторит ему засыпанный снегом помощник.

— Иван Абрамычу!.. Товарищу Бизину!..—перекликается берег с пароходом. Свистящий отработанный пар разрывает в клочки разговоры.

Мы видим нашего завхоза. Он оброс большой рыжей бородой. Он складывает рупором ладоши и кричит нам:

— Я, как Меньшиков в ссылке, дожидаясь здесь вас! Сброшены трапы. Мы не успеваем еще спуститься в каюты, как нас окружает толпа баб-зырянок.

— Купи туфли! Кисы купи!..—наперебой навязывают они изделия из оленьих шкур.

— Здравствуйте! Как дела?—жмем мы руку завхозу.

— Ничего! — простуженно хрипит он. — Нанял помещение из двух комнат. Пока что.

— А вы похудели,—замечает ему ботаник.

— Еще бы! У них тут форменный голод.

— А как лошади?

— Плохо! Сейчас пасутся на островах. Подъедают прошлогоднюю травенку...

— Мы привезли овес и сено...—шепчет зоолог.

— Ура!—кричит завхоз.

Через час мы выходили с парохода. Теперь надолго! Мы поднимаемся на берег вверх по лестнице. Весь берег забросан навозом, который здесь не имеет цены как удобрение. Во дворе наших хозяев валяется какой-то остяк, уткнувшись лицом прямо в грязь.

— Кто это?

— Это остяк Васька!—машет на него рукой хозяйка.— Уже хватил спирта или самогона.

— А где он его достал?

— Да на пароходе. Матросы вроде контрабандой привозят...

Село Мужи — зырянская столица. Еще недавно главным занятием здешних зырян была торговля. Настоящие тундровые торговцы, они выезжали со своими товарами навстречу кочующим остякам и там под открытым небом производили куплю и продажу. Мужи по-остяцки означает озеро или вообще болотистое место, и это вполне характеризует селение.

Хлебопашеством мужинцы не занимаются; даже картошка вызревает не всегда. Леса вокруг Мужей растут плохо: ель, лиственница и кедр, но он без шишек и рубится на дрова, как и лиственница.

Теперь Мужи очень оживлены: в селе за последние годы заведено радио и электричество. Не так давно более 2.000 километров от Обдорска до Тобольска были обставлены телеграфными столбами. Весеннее половодье часто вырывало с «корнем» десятки столбов, падающие в бурю де-

ревья рвали проволоку, приходилось иметь целые партии надсмотрщиков и ремонтных рабочих.

Телеграф хотя остался и нынче, но им уже пользуются только между отдельными селениями. В мужинской избе читальне стоит громкоговоритель, и зыряне могут слушать московские речи, французские фокстроты и немецкие вальсы.

Вместе с радио пришло в Мужи и электричество. До этого жители крайнего Севера могли его видеть только на проходящих пароходах. Зыряне долго не верили, что им в дома дадут свет по проволоке. Сейчас электричество не вызывает никакого удивления, и даже ближние остяки, заезжая к зырянам в гости, без страха крутят черные выключатели.

Но ни радио, ни электричество не исправили вековой беспримерной мужинской грязи. Мужинские тротуары—ряд досок—мало спасают от нее.

— Ах, грязь же у вас! — жалуемся мы хозяину.

— Что поделаешь! — отвечает хозяин. — Весна на дворе! Раз в году ведь бывает!..

— Третья весна, — подсчитываем зато мы.

Кроме весны, мужинскую грязь поддерживает и залегающая неглубокая вечная мерзлота. Метр глубины — и ваш заступ звякнет бессильно о землю, крепчайшую, как сталь.

Утром мы открываем совещание. Выслушиваем грустный доклад завхоза.

— Раз не удалось устроить третий продовольственный пункт, — решает руководитель, — придется экспедиции по окончании работ вернуться снова в Мужи, а не в Березов, как предполагалось.

— Сколько времени, по-вашему, надо дать на подкорм лошадям?

— Недели две, не меньше! — говорит завхоз.

К нам входит местный фельдшер.

— Нет ли у вас хины? — поздоровавшись, спрашивает он. — А то малярия досаждаёт очень.

— Да ведь у вас не имеется зараженных малярией комаров!? — удивляемся мы.

— За последние годы солдаты занесли сюда малярию. Они заразили комаров, а комары передают ее нам...—объяснил он.

Завтра мы перевозим с острова лошадей. Кони настолько слабы, что по земле ступают, точно по льду: у них раскалываются ноги.

Время в Мужах мы не теряем даром.

Астроном сверяет по радио хронометры, геолог изучает ледниковые отложения, ботаник занимается обследованием лесов, а зоолог стреляет водяных крыс.

Прежде водяная крыса наносила непоправимый вред хозяйству, поедая в амбарах муку и другие запасы.

В последнее время шкурка водяной крысы вошла в моду для дамских шуб и воротников. Крысу стали немилосердно истреблять, и ей не до амбаров нынче. Порою, значит, и мода бывает полезна!

Когда в окрестностях Мужей тает снег, мы выступаем на Урал, разделившись на два отряда. Один, состоящий из руководителя, ботаника, зоолога, астронома и одного рабочего, отправляется пятнадцатого июня на лодке в верховья реки Сыни. Второй отряд в сопровождении топографа, геолога, завхоза и двух рабочих двигается через неделю конной тягой тоже в верховья реки Сыни. Лошади все-таки истощены, изнурены, они никак не смогли бы везти весь экспедиционный багаж. Они пойдут с легкими выюками и только на одних нартах потащут маленькую остяцкую долбленую лодочку.

ГЛАВА IV

Наша лодка стоит у берега. Заслуженная лодка: она и в прошлом году плавала с нами на Урал. На реке тихо. Обская волна нежно плещется, чмокает о борта.

Начинаем грузить продовольствие.

— Озойный (непоместительный) какой груз! — говорит наш рабочий-зырянин Филипп Ануфриев, перетаскивая огромные мешки с сухарями. Зоолог бережно укладывает в нос лодки ружье в брезентовом чехле. Ботаник тащит тюки с бумагой для гербариев. Рядом с порохом кладутся крупа и сухари. Лодка недовольно колеблется и еще глубже погружается в воду.

— И самим негде сесть! — говорит Филипп.

Действительно, кажется, некуда будет протянуть ноги все уголки завалены и забиты тюками.

— Ничего! Утрясемся! Вначале всегда так бывает! — успокаиваем мы себя.

— Не забыли ли чего? — спрашивает зоолог у остающегося на берегу завхоза.

— Нет, все в порядке! Отчаливайте!..

Филипп с трудом, покраснев от напряжения, отталкивает лодку, забрасывает причал и, наконец, забирается сам. Гребцы, чтобы не натереть мозолей, надевают на рукояти весел брезентовые рукавицы.

— Надо немного отпихнуть эту историю! — сердится ботаник. — Нельзя грести!

Филипп тоже расчищает себе местечко. Астроном садится за третье весло. Зоолог притулился на носу, держа между колен ружье. Он пока свободен.

Шлепанье весел, скрип уключин — и наш корабль медленно начинает подвигаться вперед.

— Стой!! — вдруг слышится с берега. Гребцы застывают с поднятыми веслами. По берегу бежит рабочий второго отряда Панкин. В руках у него сверкает что-то.

— Соль забыли!! — кричит он на бегу. — Держите банку! Мы забираем банку с солью.

Солнце стоит на полдне. Мужики плывут мимо. С пароходов, с барж смотрят на нас. Бабы машут платками.

— Прощай, Мужики! — смеется Филипп.

Филипп Ануфриев — зырянин. Он второй год ездит с нами в экспедиции. Как почти все зыряне, Филипп имеет

острый, смысленный ум. Панкин—другой рабочий нашей экспедиции, оставшийся во втором отряде—очень хозяйственный, кряжистый сибиряк. Мы наняли его в Тобольске. Дорогой он рассказывал свою жизнь.

— Пошел я в тринадцатом году,—говорил он,—на Дальний Восток. За длинными рублями. Золото рыть... Да... Золото, стало быть, рыть...

Когтистым пальцем он скреб подстриженную бороду и продолжал:

— И как думали бы вы? Нарыл я этого золота, прямо сказать, много. Подошла тут война, а я рою. Мой год давно на позициях сражается, а нас не берут. Мы люди нужные! Приехал я в семнадцатом году в село к себе, и было у меня, прямо сказать, тысяча и семьсот рублей. Все на книжке держал. Ну, думаю, разверну теперича дело...

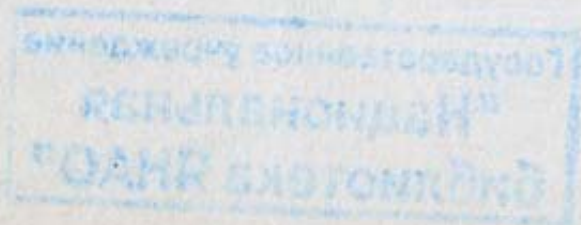
Он молчит и вздыхая, добавляет:

— А потом, сами знаете, прямо сказать, пошло у нас все широким кверху. Лишился всех я денег. Хотел даже спервоначалу повеситься. К староверам тоже подался. А затем, прямо сказать, и на их плюнул. Так теперь по свету и мыкаюсь...

Мы плывем протоками, где течение совсем слабое. Прибрежные кустарники стоят в воде. Нигде не заметно песчаного берега: все залила Обь, и не скоро войдет она еще в свое русло. На краю горизонта вода кажется сливающейся с небом, а таловые кустарники, висящие в воздухе, создают картину миража. Навстречу едут в лодках зыряне. Мужики сидят на кормах, бабы гребут, мелко погружая весла. Их лодки полны тальником и сухой желто-зеленой травой. Они собирают ее на островах для корма скота. Филипп здороваются и кричит что-то по-своему землякам.

Так тихо, что мы не можем развернуть паруса. Тень от мачты бежит рядом с лодкой. Тень становится все длиннее и длиннее.

Скоро вечер, и мы причаливаем к берегу. Филипп делает из палок таган, разводит огонь. Над костром, сложенным из

сухого тальника, перепачканного в иле, поднимается желтеющее пламя с белым дымком. Чайники закипают.

Поздно вечером мы подплываем к остяцким юртам Зимний Киеват. Юрты состоят из трех изб и стольких же амбаров. На берегу пусто.

— А где же старик со старухой?—всматриваемся мы. В Мужах говорили, что здесь остались старик со старухой.

Летом обычно в юртах никто не живет: остяки уезжают на рыбные промыслы и обитают на обских берегах в берестяных чумах — конусообразных шалашах.

— Никого нет!—говорит Филипп.—Испугались они, верно, и убежали! По берегу бродят маленькие брюхатые коровенки с взлохмаченной шерстью. Какая-то лошаденка, отпущенная летом на волю, глядит на нас, потом фыркает и несется в ужасе прочь в лес.

Мы подтягиваем лодку. Филипп опять разжигает костер, мы идем в избы. В них нет и признака жильцов. Избы небольшие, без потолка, но с крышей. Вдоль стен тянутся нары. Обычно в избушке живут по 2—3 семьи, и каждой отведено свое отгороженное стойло. В углу чернеется чувал — род остяцкого камина. Чувал — это переплетенные жерди, на манер поставленного стоймя корыта, обмазанные глиной. Дым выходит вверх через широкую трубу. С пола несет сыростью. В одном окне, ближайшем к чувалу, блестят маленькие стеклышки. Точно мозаика. Второе окно прикрыто досками.

— В нем,—говорит ботаник,—вероятно, было ледяное стекло. Ранней зимой, когда лед нарастет, примерно, до четверти метра, остяк выбивает льдину и вставляет ее в оконную раму. Вместо замазки края заливают водой. Льдистый свет очень мягкий, словно матовый, и днем, если льдинка чиста, вполне можно при нем шить. Но вся беда в том, что льдина беспрерывно подтаивает, на ней образуется снег, он куржавится. Его соскабливают ножом, при этом скоблят и самое стекло. Вскоре в льдинке появляется

дырка, ее затыкают тряпкой, тем самым уменьшая, конечно, и свет из окна...

Прохладой тянет с Оби. Зоолог, астроном и Филипп ставят палатку. Ботаник и руководитель, воткнув колышки, растягивают полога: ситцевые ящики.

Костер ярко горит, взбрызгиваясь искрами. Лодка неподвижно дремлет на сонной, безбрежной ночью реке. Мы молча сидим вокруг костра.

Тихо.

И вдруг... Вдруг слышится песнь первого комара. Точно где-то далеко, далеко на повороте гудит пароход.

— Здравствуй, здравствуй, товарищ!—смеемся мы.— Приветствуем тебя! Через месяц, мы знаем, ты будешь нашим самым заклятым врагом!

А комар, словно польщенный вниманием, гудит и гудит.

Полярное лето вступает в свои права, оно уже прислало первых гонцов-трубачей...

ГЛАВА V

Туман стелется над проснувшейся Обью. Солнце холодное стоит невысоко. Мы свертываем палатку, пологи, наскоро пьем чай и забираемся в лодку. Скамейки, брезент покрыты росой.

Идем обширными сорами¹ вдоль материка (высокого коренного берега), заросшего елью, кедром и березой.

Сора сплошь залиты водой. Русло реки отыскать невозможно. Зоолог бросает в воду палочку. Она, как поплавок, неподвижно лежит на воде.

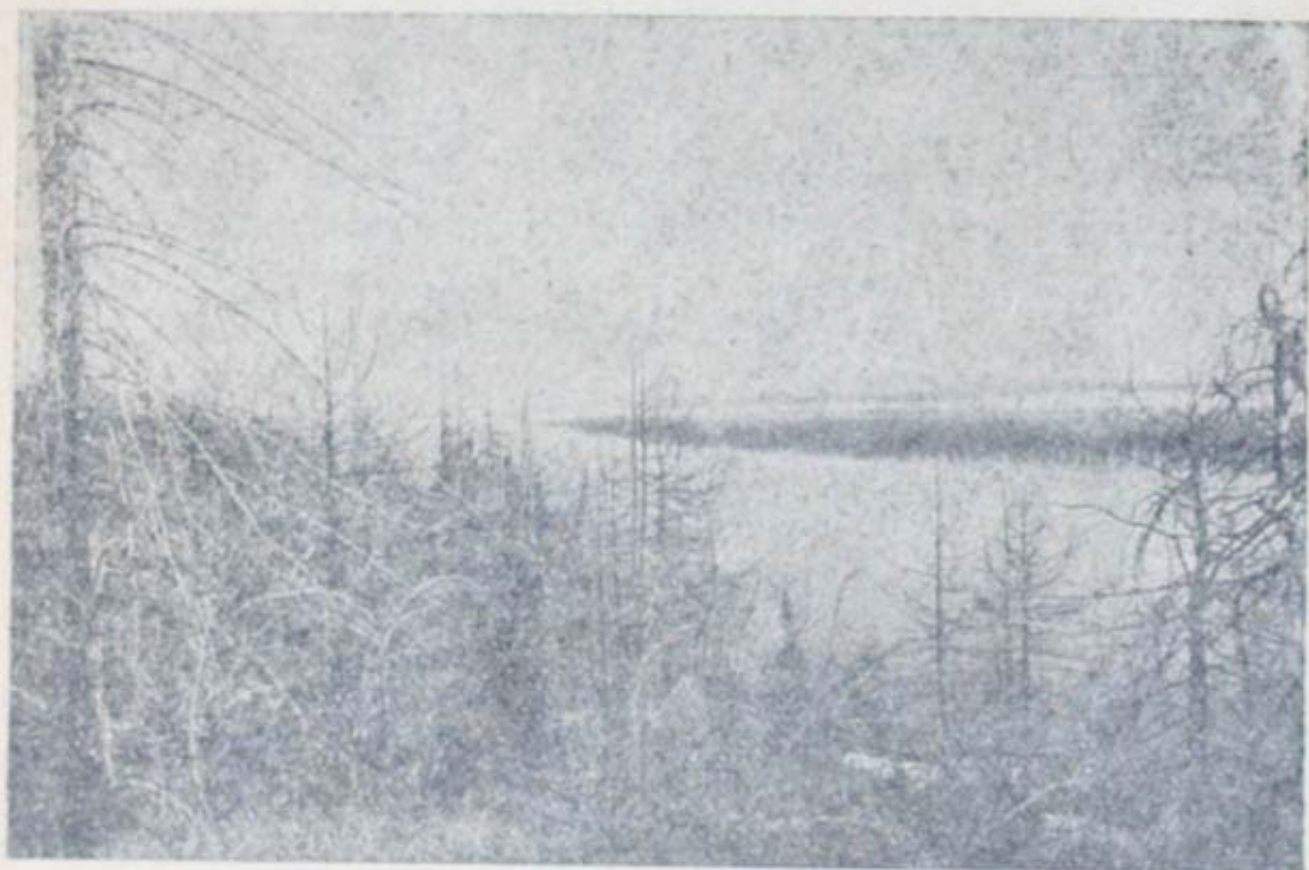
Никакого течения!

В воде виднеются обширные лужайки муксатура. Этот злак тянется из-под воды, образуя своими стеблями целый

¹ Сора представляют огромные, на много километров тянущиеся, соединенные с рекой мелководные озера. Точнее говоря, это—котловины, наполненные весенней водой, уходящей из них с убылью. Низменные топкие берега их богаты травянистой растительностью.

подводный сад. Любят в этом саду гулять лучшие сиговые рыбы. Ходит там серьезный муксун, бегают быстрая красавица-нельма, неподвижно стоит между зеленых колонн сырок, поглядывая своими красноватыми глазами и блестя серебряной кольчугой-чешуей.

В устье реки Сыни мы входим незаметно.

Устье р. Сыни. Вправо виден сор.

Уже вечер. У края высокого берега, среди бесконечных лесных гарей, вырисовывается промысловая зырянская избушка. Здесь осенью зыряне ловят рыбу и рубят лес.

Мы подваливаем к берегу. Все вокруг забросано щепками. Кое-где виднеются остатки рыбьей чешуи и запекшаяся на стружках кровь. Сама избушка, в роде «бани по-черному», насквозь закопчена дымом.

Мы располагаемся на берегу и варим кашу. Опять трещит костер, опять поют комары. Их уже больше.

Спускается незаметная ночь. Серая ночь, похожая на ранний вечер. По Сыне мимо плывут лодки остяков. Доносятся всплескивания весел и тихий остяцкий разговор. Остяки едут с верхних юрт на обские промыслы. Их влекут к себе сора, где скапливается множество сиговой рыбы. Здесь в сорах рыба питается, готовясь к трудному подъему вверх по Оби к местам нереста (метания икры). Лов в самих сорах производится все лето сетями, так называемыми полуневодами.

Осенью, когда вода в сорах «дрогнет», т.-е. пойдет на убыль, вся масса рыбы, огромные серебряные, блистающие толпы идут в реку, чтобы направиться далее вверх.

Тогда остяки ставят сети в протоках, перегораживают самые выходы из соров и добывают этим груды рыбы.

Под утро сквозь сон мы слышим чьи-то голоса и шаги. Мы выскакиваем из своих логовищ. Филипп разговаривает с тремя зырянами. Их лодка остановилась рядом с нашей.

— Кто это?

— Мужинцы!—отвечает Филипп.—Приехали сюда рубить лес.

Зыряне здороваются с нами. Бабы достают из лодок немудреный скарб и подметают уже избу.

Днем мы снова плетемся по широкой водной дороге. На пути сплошь и рядом встречаются остяцкие лодки. Им попутный ветер и благоприятное течение! Самодельные паруса выются около мачт.

Их огромные лодки, крытые берестой, полны людьми. Любопытные остяки отделяются от каравана и подплывают к нам на маленьких душегубках. Подвернув калачом ноги, они ловко гребут одним веслом.

— Куда едете? — спрашивают они нас.

— На Урал!

— О, о, о!—говорят они.—Месяца два проедете! Не меньше!

— Неужели два месяца?—удивляемся мы, еще крепче нажимая на весла.

Солнце печет сильно. Астроном, гребший без рубашки, сразу же сжигает себе спину.

— Попробуем бечевой!—решаем мы.

Короткая стоянка у берега. Разматываем бечеву. Веревка прикрепляется к корме. Оттуда она пропускается через отверстие в вершине мачты и пристегивается подвижной метровой бечевкой к носу лодки.

Филипп и ботаник впрягаются в бечеву. Бечевник (так называется берег, по которому идут бурлаки) очень плох. Почти все время приходится брести по колена в воде. Сапоги намокают и кажутся чугунными.

— Сейчас юрты Землянские! Уже избы мелькают!—объявляет кормовщик.

Мы отдыхаем в обезлюденных юртах.

В ближайшем березово-кедровом леске находится остяцкое мольбище. На одном из крепких кедров поставлена едва видимая в тени жестяная коробка. Она пуста. Идолов остяки увезли с собою на промыслы. На ветвях развешаны красные, белые, черные и зеленые тряпки, выцветшие от дождей.

Около, на земле—выжженные круги кострищ. Выше на деревьях белеют черепа жертвенных оленей, иссушенные ветрами. Здесь остяки благодарят бога, приносят ему в жертву оленей и с аппетитом съедают их мясо. Особенно много колют оленей перед отправкой на промыслы. Рядом—безмятежный покой кладбища.

Над могилами возвышаются срубы четырехугольные, досчатые, плохо заструганные. Они покрыты корой березы. У могил валяются ржавые чайники, ведра, кружки, ковшики.

Это для мертвых!

Внизу течет ленивая пока еще Сыня. Наша лодка покачивается на волнах. Ветер дует сильнее и расстилает по земле дым от костра.

— Куда ехать?—всматривается ботаник.—Ветер противный. На реке волны с барашками!

— Разве, что сорами пойдем!—говорит зоолог.—Там тише!

— Через десять километров юрты Ям-горт!—говорит руководитель, взглянув на карту.

Вечереет. Мы плывем сорами. Вдали на высоком берегу темнеет мыс, за которым должны быть юрты Ям-горт.

— Пора переваливать к юртам!—говорит Филипп.

Рулевой подгребают, лодка медленно поворачивается.

Вдруг лодка останавливается. Весла достают дно.

Кустарники, что стоят перед глазами, залиты водой. Где-то здесь должен быть проток, соединяющий сор с рекой.

Филипп лезет в воду и пробует столкнуть лодку обратно. Мы помогаем ему веслами.

Лодка, шурша днищем, сползает обратно в глубину сора.

— Держите между тех кустов!—советует один.

— По-моему, между этих, — не отстает другой.

Пробуем и так и этак, но все же лодка садится на мель. Значит, мы опять не попадаем в проток.

Молча сидим в лодке. Усталые, злые, промоченные. Отделенный водной каймой, невдалеке белеется крепкий берег Сыни.

— Эх,—вздыхает Филипп.—Надо багаж на руках нести. Тогда лодка пройдет по мелкому!

Мы грузим на себя вещи и шагаем по воде к берегу Сыни. Облегченную лодку тащим на катках. Чистая, зеркальная Сыня, наконец-то, раскрывается перед нами. Озябшие гребцы отлично работают веслами, лодка идет прямо к юртам Ям-горт.

— Смотрите, первая сосна!—торжественно объявляет ботаник.

— Еще бы!—поддерживает астроном.—Все дни ведь мы шли только на юг!

Лодка мягко врывается в прибрежный песок.

— Да здравствует чай!

Мы выскакиваем на берег и, кряхтя, с трудом начинаем стягивать сапоги, в которых еще булькает соровая теплая вода...

ГЛАВА VI

20 июня начинает сказываться близость Урала. Правда, несмотря на все наши усилия, мы не видели еще его заветных вершин, но берега Сыни уже усыпаны галькой и валунами, принесенными сюда с Урала льдом. Иногда галька так хорошо уложена домовитой хозяйкой-природой, что напоминает отличную булыжную мостовую.

На остановках по-старому варим чай и кашу. Водяной дичи нет совсем: ей негде селиться здесь на каменистых берегах.

Так доплываем до юрт Ов-горт, в которых расположена фактория Госторга. Зимой в юртах живут три остяцкие

Остяки в юртах Ов-горт.

семьи и две зырянские. Последние поселились всего четыре года назад, покинув родные Мужи.

Нынче это делается просто: каждый может жить там, где он хочет. Прежде же зыряне и русские водкой и деньгами должны были испрашивать разрешение на места у вотчинников-остяков.

В юртах Ов-горт зыряне сразу энергично взялись за дело. Они завели себе коров, о которых остяки и не думали. Уже разбили площадь для огорода.

Большинство населения юрт Ов-горт, как и везде, уехало на рыбные промыслы. Осталась лишь одна остяцкая и одна зырянская семьи. Около сотни их оленей пасутся на болоте. В комариное время оленей пригоняют на берег, где выстроена крытая загородка для дымокура. Сторожа разводят у загородки костер и заваливают его гнильем и мохом. Густой желтый дым поднимается вверх. Олени сами лезут в дым, чтобы только избавиться от нестерпимых комариных укусов.

Сразу за юртами Сыня резко поворачивает на север. Она суживается до двухсот метров. Плыть против течения труднее и труднее.

В следующих юртах Ай-ваш-горт мы берем в аренду у остяка Алексея маленькую лодку. Остяк крайне упрям. Он не понимает по-русски, и одному Филиппу долго приходится торговаться и уговаривать его, расточая свое зырянское красноречие.

— Ну, ладно! Пятнадцать рублей и осенью лодку вернуть,—наконец, решает остяк и ударяет по рукам.

Он передает нам лодку и прячет в карман деньги. Остяцкая лодка делается так. Вырубают из бревна или прямо из дерева плаху, долбят ее узким поперечным топором, заостряют концы и кладут в воду. Чтобы дно имело округленную форму, ставят в середину две палки и постепенно стягивают концы. Затем пришивают к днищу кедровым корнем две доски и смолят, собирая смолу прямо с деревьев и нагревая ее на огне.

Теперь сзади нас плетется на буксире и маленькая остяцкая лодочка—новый член нашей экспедиции.

На берегах то и дело попадаются ловушки для лесной птицы, которая очень любит полоскаться в песке.

Утром двадцать второго отправляемся на ближайший материк, близ обрыва которого еще вчера издали мы заметили развешенные олени шкуры.

Остяк починая лодку.

Их не меньше двух десятков. Бедные остяки! Они не скупятся на жертвы. Ведь каждая шкура стоит около 15 руб.

Здесь же стоят воткнутые в землю срубленные, угасшие березки и на них, как на рождественской елке, болтаются новые тряпочки со старыми деньгами.

Монеты преимущественно царские. Пяти-, трехрублевого достоинства. Встречаются и медные, позеленевшие от дождей. Остяки считают, что царские деньги более угодны богу. А скорее просто следуют пословице: «На тебе, боже, что мне не грже».

ГЛАВА VII

Чувствуется могучее дыхание Севера: на берегах среди кустарников иногда, точно брызги известки, белеют весенние, еще не растаявшие льдинки. Река шириною всего сто метров. Вода, в зависимости от горных потоков, то спадает, то стремительно прибывает вновь. Красавца-кедра уже не видно. Он исчезает и теряется среди еловых лесов.

Начинаются каменистые косы. Течение очень сильное. Местами едва можем тянуть лодку. Бурлаки поминутно останавливаются. Зоолог, тащивший бечеву, упал сегодня на галечный бечевник и повредил ногу. Около носа лодки злобно журчит вода.

Иногда прямо в реку сходит с берега широкая просека. Это — зимник на большое зырянское селение Саран-паул, что на реке Ляпине.

Двадцать шестого июня пристаем к юртам Еврей-горт — последнему селению на Сыне.

Юрты расположены на высоком берегу. Поднявшись на берег, мы впервые, наконец, созерцаем далекие вершины Урала, покрытые снежными полосами:

— Ура!

Из-за астронома весь день не трогаемся с места. Астроном подобен сильному течению и тормозит наш ход. Ему требуются звезды, но звезд нет, так как ночь серая, светлая. Замзвезды — солнце, но и оно, как нарочно, в нужное время часто бывает закрыто сплошными облаками.

Осматриваем юрты Еврей-горт. Они необитаемы сейчас так же, как и соседние селения.

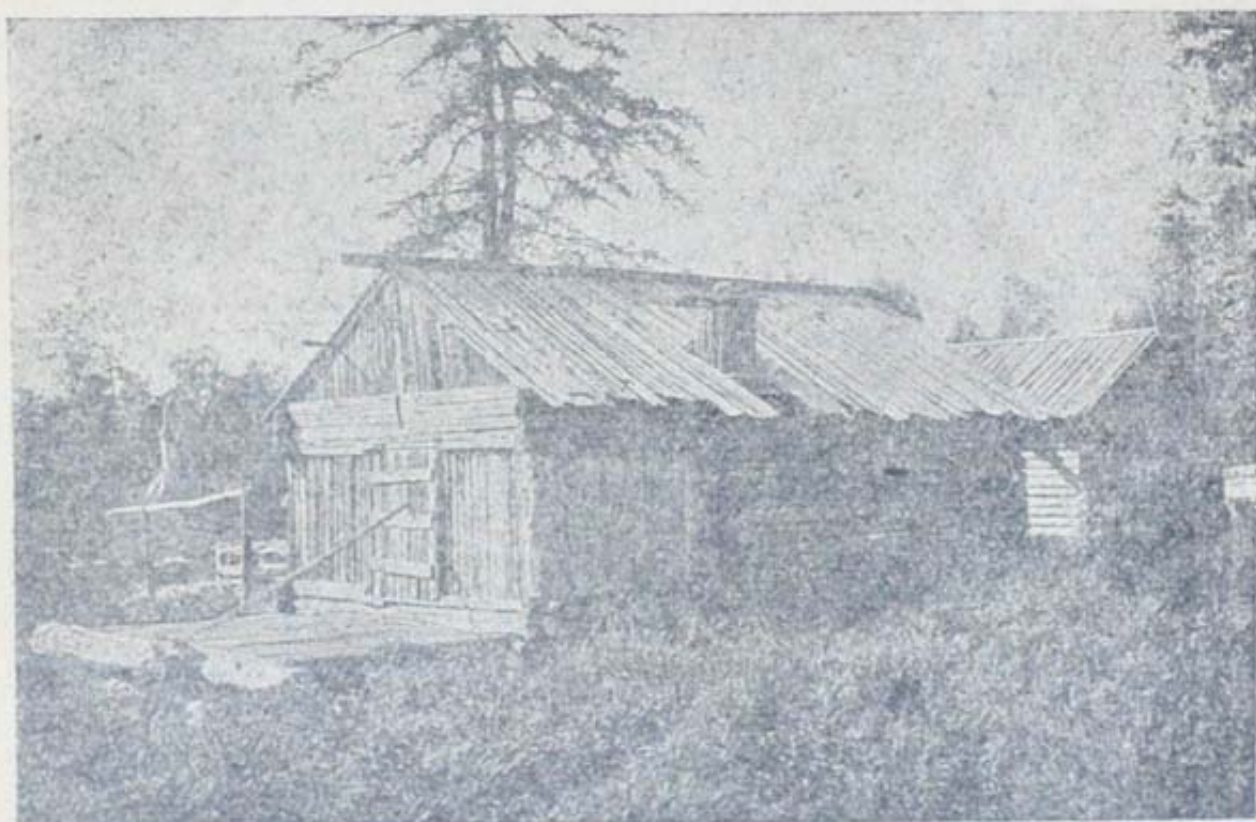
Около избушек с деревянными крышами, застланными колотыми досками, стоят перевернутые нарты и большая лодка, на которой уже нельзя подняться выше по Сыне. Здесь же торчат морды и гимги для рыбной ловли. Они конической формы из лиственничного дранья, очень тонкого и перевязанного кедровыми корнями.

В глубине соседнего леса скрыт шайтанный амбарчик на бревешках.

Он напоминает собачью конуру с дверцами и щеколдой сверху. Невдалеке—мольбище. Оленьи шкуры не развешены по деревьям, а просто надеты на жерди.

Сразу за юртами начинаются перебаты.

Еще издали слышен шум от них и глухой рокот. Река волнуется, ее водяное сердце бьется сильнее и сильнее. Волны бушуют. Огромные камни высовываются из-под воды.

Остяцкий дом в юртах Еврей—горт

— Дяди!—шутя называем мы их. Каждое мгновение лодка может перевернуться. Бечевник портится: попадают «заломы» — поваленные стволы деревьев. Филипп идет впереди с топором и расчищает путь, вырубая мелкие стволы и их ветви.

Подходим к устью притока Сыни—Сухой Сыни.

В Сухой Сыне, как нарочно, мокнем постоянно. На перекатах бечева становится бессильной. Мы выскакиваем из лодки и, ухватившись за борта и уключины, помогаем бурлакам вытянуть лодку. Камни царапают лодочное дно. Негодующая вода струится меж ног, стараясь повалить нас.

Днем первого июля приключается несчастье. Когда бурлаки, низко согнувшись, тащили бечеву, вдруг позади, за их спинами слышится ужасный крик кормовщика:

— Бросай бечеву!!

Они оглядываются и видят, что порвалась перемычка и бечева тянет вниз мачту и накреняет лодку.

— Бросай!..

Освобожденная лодка выпрямляется и несется вниз. За ней змеится по воде бечева... Едва удастся задержаться в кустах, спустившись сразу на полкилометра. Привязываем перемычку и снова, напрягая последние уже усилия, лезем упрямо вперед и вперед...

До Урала всего километров восемь. Точно грозовые облака, темнеют его вершины. Появляются горные растения и медвежьи следы. Перекаты превращаются в губительные пороги. Мелкие коварные камни глядят своими гладко отесанными вершинами из-под воды. Зеленая, бутылочного цвета вода, пенясь, неистовствует вокруг них и нашей лодки.

Вечером второго июля приходим к устью реки Лапты. Здесь Сыня сильно мелеет и распадается на несколько русел. Вдали чернеют большие косы, обогнуть которые совершенно невозможно.

Надо переваливать на другой берег! Но как? На веслах переехать нет сил. Мы не успеем взмахнуть веслом, как лодка стремительно отнесется назад мощным, непобедимым течением.

Решаем, придерживая лодку бечевой, перегребаться на ту сторону.

— Пошли!

Зоолог с руководителем и рабочим сидят в лодке, остальные, осторожно выпуская бечеву, стоят на берегу, крепко опершись о камни ногами.

Вода бьется около лодки, весла скрываются в водяных брызгах. Лодка приближается к заветному берегу, но вдруг течением ее снова выталкивает на середину реки.

— Ладно!—кричит зоолог.—Попробуем еще раз! Я выскочу у берега и удержу лодку руками!..

Опять бурлаки cedят меж ладоней бечеву, опять идет лодка к желанному берегу. Вот уже остается до него шагов пять, вот, кажется, можно уцепиться руками за прибрежный кустарник...

— Скачите!!

Зоолог бросается в воду, хватается за уключину... Но всемогущий порыв течения вырывает лодку из рук зоолога и он, распластавшись, падает в воду.

— Так ничего не выйдет!—говорит Филипп.—Чуть человека не утопили. Надо бечеву на маленькой лодочке на тот берег завести, а потом уже подтягивать на ней лодку!..

Так мы и делаем.

На этом дорого доставшемся нам берегу находим большую, глубокую и тихую, без всякого течения курью. Вода в ней черная и теплая. Отсюда пойдем прямо уже на Полярный Урал, оставив здесь до осени лодку и собранные на Сыне коллекции.

Прежде всего принимаемся за устройство склада. На холме среди леса, на лишайниковой полянке мы стелем доски, а на них аккуратно складываем часть продовольствия на обратный путь, гербарии, зооколлекции и снятые фотографические пластинки. Все это покрываем, конечно, брезентами.

— А вдруг медведь?!—закрадывается у нас тревожная мысль.

Филипп втыкает вокруг кучи палки и обвязывает их веревками.

— Так хорошо!—говорит он.—Медведь подумает, что это ловушка!

До вечера стираем белье и сушим его на ярком, жарком солнце. Кругом тихо. На курье ни рябинки, и только невдалеке днем и ночью, не уставая, цепной собакой ворчит Сыня... Точно где-то шумит от ветра могучий лес.

ГЛАВА VIII

Утром четвертого июля руководитель с зырянином-рабочим отправляется на розыски чумов экспедиции. Путешественники не отягощают себя багажом. Высокие сапоги, заплечные мешки с сухарями, с сахаром и чаем. На зырянине одет из верблюжьей шерсти суконный совик: короткий, по колена, мешок с рукавами и с колпаком на голове. Руководитель обрядился в полушубок.

— Ну, Филипп,—говорит руководитель,—веди к чумам. Ты помнишь дорогу?

— Нет. Откуда мне ее знать?—удивляется Филипп.

— Постой,—не менее поражается руководитель.—Но ведь ты ездил с завхозом зимой ставить чумы?!

Филипп отрицательно качает головой. Совсем нет. Он и не думал ездить. Впрочем...

— Зырянин — лесной человек, — гордо говорит Филипп. — Зырянин в лесу дорогу даже без звезд всегда найдет. Идем!

Найдет, не найдет, но отправляться надо, и руководитель покидает тихую курью, попрощавшись с остающимися спутниками.

— До свиданья! Через несколько дней пришлем вам лошадей!..

Мы выбираем направление и идем по мерзлым болотам, поднимаясь по склонам гор. Час спустя останавливаемся и смотрим назад, на пройденный путь, на восток.

На буром фоне торфяников поблескивают осколки зеркальных озер, кое-где рисуются темные зеленые пятна

лесов. Только около Сыни леса плотно смыкаются и крепко опоясывают ее зеленым кушаком...

Оглянувшись на запад, мы видим широкую долину между Большим и Малым Уралом. В ней нет густых лесов, мелкие разбросанные лиственницы заменяют их. За долиной поднимается величественный Полярный Урал—цель нашего пути. Он холмист, с высокими, тоже безлесными горами желто-бурого цвета. По краю долины молчаливыми стражами чернеют усеченные пики габбровых гор.

Вскоре начинаем подниматься по очень пологому склону горы. Под ногами—песок и глина. На горах лес ниже. Деревья флагообразны: их ветви растут только с одной подветренной стороны; вторая—голая, обезображенная морозом и ветром. Несущийся снег гладко полирует беззащитные стволы. Даже кедры и те угнетены ветрами и жалко стелются вдоль земли, не осмеливаясь поднять своих вершин.

Вскоре взбираемся на седловину между двумя невысокими безлесными вершинами и видим на западе обширную высокую долину, огражденную темными горами.

Тщательно ее осматриваем в бинокль, надеясь найти там наш чум или хотя бы чумы оленоводов. Напрасные усилия!

Порой чернеются только старые чумовища да свежие следы недавно прошедших оленей.

— Надо идти дальше!—решаем мы.—Ко второму чуму, что на реке Нельке!

До него еще километров 30. Путь усеян острыми камнями, больно режущими ноги.

Наконец, в болотце, окруженном чащей ольховника, нам мигает белеющий чум.

— Скорей! Скорей!..

Мы продираемся сквозь кусты. Ветки больно хлещут по лицу.

— Чего ж не лают собаки?—удивляется Филипп.

— Да и дыма нет,—говорит руководитель, останавливаясь и тяжело переводя дыхание.

Ускоряем шаги, подбегаем к чуму. Он забит продовольствием, но людей в нем нет никого! Только следы наших кованных лошадей указывают на недавнее пребывание здесь конной партии экспедиции.

Ноги болят, до крови стерты пятки. Ночуем в чуме. Приятная слабость охватывает все тело. Утром устанавливаем по следам, что экспедиция ушла на север. Двигаемся за ними и мы. На вершинах гор появляются шесты с белыми флагами. Это—вехи топографа. Они разбросаны через 5—7 километров друг от друга. Мы идем среди камней по обеснеженной тундре. Но кое-где в лесах задержался еще снег, и ступать по нему очень хорошо. Снег плотный, крепко прибитый ветром: даже следы на нем не всегда отпечатываются. Деревья, растущие среди снега, зеленеют и окружены подтаявшим кольцом у основания. Лиственницы распространяют вокруг себя приятный, сладостный запах, напоминающий благоухание апельсинов...

Часто приходится снимать брюки, разворачивать портянки и, сунув голые ноги в сапоги, переходить ручьи и речки с быстротекущей ледяной водой. Дно речек усеяно острыми камнями, и бродить по ним босыми ногами, конечно, невозможно никак.

Вехи попрежнему виднеются слева от нас.

Близ реки Погурей встречаем лошадей, но не видим самого лагеря. Бинокль не нащупывает палаток.

— Где же лагерь?!

На берегу брошены палки.

— Вероятно, лошади убежали,—думаем мы.—И вернулись на вчерашние, старые места.

Уставшие, обессиленные мы тащимся вперед. Пройдя километров шесть к северу, натываемся прямо на веху. Около нее—вещи: чайник и мешок с резиновым пальто.

— Это топографа!—узнаем мы.

Останавливаемся и разводим костер. Две гнилушки, найденные не без труда, горят слабо, более дымят. Над головами гудят комары. Филипп завертывается в совик с голо-

вой. Руководитель, отчаянно ругаясь, пробует приспособить полушубок, но он слишком короток; тогда руководитель снимает рубаху, надевает ее задом наперед на лицо и, скорчившись, засыпает, дрожа от холода.

Под утро что-то теплое тыкается ему в лицо. Он вскакивает и видит перед собой мохнатую остяцкую собаку.

В это время подъезжают верхами топограф и трое рабочих с инструментами.

— Что вы здесь делаете?—в крайнем изумлении спрашивает топограф.

Верхом в горах. На голове одет накомарник.

— Да вот любимся красивыми ландшафтами,—смеется руководитель.—А где же лагерь? Мы его не могли разглядеть!

— Он остался позади. Ветер сорвал вчера палатки, и их перенесли в лес. Садитесь! Поедьте в лагерь!

Едва успеваем добраться до лагеря, как поднимается холодный ветер с дождем. Горы покрываются снежными

облаками: на них разыгрывается настоящая метель. Ветер крепчает и сотрясает нашу палатку. Руководитель выслушивает рассказ геолога о путешествии конной партии.

ГЛАВА IX

Из Мужей конная партия выступила 10 июня. Двенадцать лошадей составляли ее караван. Одна лошадь была впряжена в юстяцкие нарты (сани) с лодкой. Остальные шли под легкими выюками. Первое затруднение встретилось тотчас же за Мужами. Это была илистая речка, перебрести которую было нельзя. Пришлось обводить лошадей кругом, а груз перевозить на лодке.

Путь вначале был очень хорош. Это—зимник, мало болотистый и вообще менее грязный, чем мужинские улицы.

За Мужами поднялись на холмы—древние морены уральских ледников. На одной из гряд стоял восьмиконечный старинный крест, исписанный фамилиями. Зыряне любят ставить кресты, опоясывая их прочными оградами.

Скоро зимник кончился. Партия пошла по болотам, заросшим кустарниками. Приходилось переходить глубокие, по грудь, реки. Сучья кустарников цеплялись за выюки. Переднюю лошадь вели под уздцы, остальные гуськом следовали друг за другом.

Лошади выказали свои характеры. Одна, рыжая, никогда и ни в каком случае не уступала своего второго места. Другая, сивая, бывшая кавалерийская, любила отбегать в стороны, чтобы полакомиться не совсем еще распустившейся травой. Некоторые не выносили брякающего груза, и на них нельзя была навешивать чайники и кастрюли.

Чем дальше, тем дорога делалась хуже. Уставшие, плохо откормленные лошади завязали в илистых речках. Их приходилось вытаскивать веревками.

Наконец, добрались до первого чума. Здесь завхозские рабочие свернули чум и решили перебросить его к реке Лапте на более удобное место. Топограф же и геолог с

остальными рабочими и лошадьми отправились к р. Нельке и далее на север к реке Погурею, где и остановились для работы.

8 июля Филипп, немного отдохнувший, едет верхом на лошади к завхозу на р. Лапту, чтобы известить его, где находится руководитель и где остановилась лодочная пар-

Вершина габбровой горы.

тия. Завхоз должен был забрать всех членов лодочной партии и доставить их в горы.

Между тем руководитель отправляется первой экскурсией в горы.

Он видит, как за каймой темно-серых габбровых, слабо выветривающихся сопок поднимаются перидотитовые горы, покрытые желто-бурой коркой, издали кажущейся слегка красноватой. Зыряне даже называют их «герд-из», что значит — красные горы.

Наиболее высокие края из них имеют ледниковый ландшафт. Они изрезаны узкими ущелистыми долинами —

ложами древних ледников — и карами. Кары представляют собой котловины на вершинах гор. Котловины наполнены только снегом. Прежде именно в карах образовывались ледники. Снег наслаивался, обращался в лед, затем страшные, неумолимые ледяные языки показывались с кар и медленно, медленно сползали вниз, все сокрушая на своем пути.

Руководитель смотрит на герд-из, на красные горы, и думает:

— Какие богатства скрывают они?!

Перидотитовые породы являются вернейшим спутником платины.

Северо-уральская экспедиция привезла в прошлом году образцы шлихов. Наличие платины в них было подтверждено, но трудность разработки остановила Уралплатину от дальнейших шагов.

А вот пройдет еще десяток лет, доберется и до герд-из человек, застучат здесь машины, задымят трубы, и герд-изам, кряхтя по-стариковски, придется раскрыть свою мощну, наполненную драгоценнейшей платиной...

Долина реки Погурея, на которой стоит лагерь, замыкается высокими, зубчатыми горами, в настоящее время покрытыми снегом, выпавшим вчера. Вообще все вершины западного склона Урала сверкают от снега, в то время как на восточном он уже стаял. Горы имеют тон серый от лишайников и мхов. Это было бы хорошо для оленей, но по склонам дуют ветры такой страшной силы, что зимой оленеводы несколько дней пережидают, когда утихнет ветер. Иначе он даже может перевернуть нарты.

Растительность высоких гор, где снег давно сошел, была в полном цвету. Среди темно-зеленых листиков белеют восьмиконечные звездочки дриад. Розовые подушки мелких полярных цветов «бесстебельных смолевок» ласкают взор.

И все это замыкается огромными полями серых лишайников и мхов.

Стоит четвертая полярная весна!

К вечеру руководитель переваливает в долину реки Кокпала. Долина сплошь занята зарослями полярной ольхи. Здесь кустарники и трава едва распускаются.

— Скоро палатки! Вот они!—видит руководитель. Он уже устал и спешит к палаткам.

Однако это не палатки: это снежные пятна!

Несколько часов руководитель бродит с горы на гору, все время ошибаясь и путая пятна с палатками.

— Подожду ночи!—решает он.—Тогда хорошо будет виден свет от костров!

Одно из пятен привлекает все-таки его внимание. Пятно, кажется, колеблется.

— Попытаюсь в последний раз!!

Счастливый случай! Действительно, это палатка! Руководитель ужинает и ложится спать.

Ночью в палатку вбегает топограф и кричит:

— Планшет утопили!!

Топограф, который часто задерживался на работах всю светлую, полярную ночь, рассказывает затем, что при переходе через быструю реку Кокпала рабочий был сбит течением и упустил планшет. Тщательные поиски не дали никаких результатов. Погибла съемка предыдущих дней, и не было возможности работать дальше, так как запасной мензулы не оказалось.

Путешественники, конечно, не спят остаток ночи.

— Как же поступить? Чем заменить утерянный планшет? Неужели вся топографическая съемка должна пойти на смарку?!

— А знаете что, — говорит, наконец, топограф, — если взять у астронома теодолит?.. Это задержит немного съемку, но все-таки...

— Тогда в путь, в путь!—решает руководитель.— Едемте к лодочной партии и там сговоримся с астрономом. Седлайте лошадей!..

Геолог с рабочим и двумя лошадьми остается в горах, остальные уходят по тому пути, который уже сделал еще

недавно руководитель с Филиппом. Они ночуют в чуме на реке Нельке, переваливают водораздел Войкара и Сыни. Комары преследуют путешественников. Они не дают отдыха и лошадям. Бедные измученные животные не могут ни минуты постоять на месте. Укусы комаров невыносимы!..

Путешественники взбираются на горы, смотрят в бинокль, надеясь увидеть палатки базы. Пусто и безлюдно вокруг. Только маячат горы, перерезанные широкими долинами.

С трудом путешественники переходят реку Лапту. Изможденные, голодные, бредут уже наугад. Вдруг передние замечают на земле лошадиные следы.

Какая радость!..

Лошадей в Урале нет, значит, наши лошади здесь проходили, значит, близко где-то желанная база...

Так оно и случилось... Но на базе нет людей.

Стоит большая палатка, в лесу поблизости—маленькая. Здесь же построена зырянская баня. Большой склад продовольствия покрыт брезентом. Завхоз, устроив базу, очевидно, уже уехал к лодочной партии.

ГЛАВА X

Вечером следующего дня, т.-е. 11 июля, на базу прибывают завхоз и лодочная партия.

Решаем скорее начать съемку и определение астрономических пунктов, чтобы отправиться дальше к северу.

Время идет! Уже ведь половина июля. Надо торопиться! Работать в Полярном Урале возможно не долее сентября.

Пока распределяем продовольствие, так как часть его следует оставить на базе, и моемся в бане, устроенной по-зырянски.

Эта баня устанавливается в полчаса, если под рукой имеются камни и кустарники. Из камней складывается каменка. Над ней делается невысокий шалаш из жердей или прутьев. В каменке разводится костер и, когда камни рас-

калятся и огонь сам по себе потухнет, жерди покрывают какой-нибудь мягкой рухлядью: пальто, брезентами и т. д.

На каменку поддается горячая вода, пар рвется из шалаша. Баня готова, ломайте березовый веник и идите полоскаться, захватив холодной и горячей воды. Мыться можно, не боясь комаров. Влетев, они моментально дохнут, падая замертво на землю. На воздухе между тем их появилась несметная сила. Уже нельзя ходить без сеток, а чаепитие постоянно отравляется комарами, нахальными и наглыми до смерти.

Зырянская баня.

14 июля покидаем базу и на десяти лошадях двигаемся снова в третий раз вверх по долине реки Лапты. На базе остается лишь зоолог. Ему нет необходимости в переездах. Утрами он ходит и ставит свои мышеловки на полевок. Приманкой являются: сало, сушеные фрукты. Птиц он бьет из ружья.

В дороге продолжают мученья с лошадьми. Комары окончательно заедают их. Хорошо, если дует хотя легкий ветерок.

Ночами лошадей отправляем на волю. Вначале их «путали», но из боязни, что в камнях они поломают себе ноги, отпускаем теперь свободными. Порой за ночь они убегают далеко, и утрами их всегда приходится искать по следам и высматривать с гор.

Идем очень медленно: километров 10—15 в день.

Перевал Кокпала.

По пути заходим в неубранный второй чум на реке Нельке.

Береста, которой покрыт он, прекрасно сохраняется. Вообще береста употребляется у остяков на всевозможные поделки. Остяки и зыряне, содрав, проваривают ее в воде, затем сшивают в два-три слоя и свертывают трубками.

В чуме оставляем для работ ботаника, а сами продолжаем двигаться дальше к долине реки Тумбуловой.

21 июля задерживаемся из-за дождей. Горы затянуты туманом. Он спускается вниз до палаток. Рабочие спят. Мы пишем дневники и наблюдаем, как рождаются облака.

Около палаток лежит снег. Он начинает куриться, над ним образуется туман. Вскоре он отрывается и лепится к тем ключьям, что окутывают горы. Гор не видно, они сплошь закрыты облаками, и кажется, что мы стоим на плоской равнине.

Чум остяка в горах.

24 июля руководитель с завхозом и одним рабочим при четырех лошадях выступают по перевалу Кокпала на западный склон Полярного Урала.

По этому перевалу проходит довольно наезженная тропа оленеводов. Тундры здесь сильно побиты оленями, их экскременты валяются повсюду.

Близ одного бывшего чума земля смешана даже до грязи, в ближайших лесках все кустарники обгрызаны оленями.

Невдалеке от нас по реке Кокпала на склоне гор стоят оленеводы с двумя чумами. Это—первые люди, встреченные нами на Урале!

Подъезжаем к ним. Собаки лаем встречают нас, но не кусаются. Мальчишка убегает в чум; две остячки, покрывшись платками, выглядывают из него.

К сожалению, наш разговор короток, так как остяк не понимает по-русски, а Филиппа нет. Остяк долго ходит вокруг нас и, удивленно усмехаясь, показывает пальцами на лошадей. Это его поразило более всего: лошадей он видит очень редко. Этот остяк пришел из юрт Ям-горт, которые мы проезжали на Сыне. Спасается от комаров. Осенью, когда выпадет снег, он вернется обратно в юрты. Здесь ничего не делает. Олени—его рента. Они сами по себе пасутся на горе. Только, когда они объедают вокруг все лишайники и травы, остяк снимет чум и двинется вслед за оленями.

Мы поднимаемся на перевал, и уже реки Печорского бассейна текут перед нашими глазами. Из Азии мы перекочевали в Европу!

Сильно отличаются между собою восточный и западный склоны Полярного Урала. Первый—с более резким рельефом, глубокими долинами и многочисленными лесами. Второй же имеет вид обширной, слабо всхолмленной горной страны, горы которой весьма пологи, с широкими плоскими долинами. Лишь далее к западу склоны немного круче. Западный склон, насколько видно в бинокль, почти безлесен. Даже ольховник встречается только небольшими группами. Зимних кормов для оленей—лишайников—здесь не видно. Нередки среди кустарников обширные цветистые лужайки. Все говорит о долгом лежании снега и его недавнем сходе.

Выбираем место для стоянки. Это—довольно трудная задача! Негде поставить палатку и совсем нечем подогреть чай. Мы собираем сухие веточки ивняка. Невдалеке примечаем сухую горку, идем туда, на этом месте в 100 метрах от нас чернеется какая-то туша.

— Лошадь!—воскликает завхоз.

— Да чья же?!—недоумеваем мы, приближаясь к лошади.

И вдруг ясно различаем, что это не лошадь, а большой медведь! Он не смотрит на нас и бродит взад и вперед, выискивая полевков, напоминающих короткохвостых мышей.

Он бегаёт на четвереньках и срывает дерн, под которым скрываются полевки. Вероятно, медведь из-за комаров поднялся так высоко в горы. Его и сейчас еще донимают они. Он обтирает лапами морду, катаётся и трется мордой о землю. Наши кони пока спокойно стоят и равнодушно смотрят на медведя. Соскакиваем с лошадей.

— Надо сбросить вьюки,—шепчет завхоз,—а то лошади учуют его и могут понестись. Панкин, отверни им головы.

Молча созерцаем медведя. Ружья у нас нет, мы не взяли его, чтобы не отягощать вьюков. Сетки для гербариев в научной экспедиции бывают важнее ружья.

— Мокро везде, а он единственную сухую полосу занял,—говорит руководитель.—Что ж здесь помирать нам в сырости? Идемте, пугнем его!

— Э, э... Чорт проклятый! Пошел, пошел! — кричат руководитель и завхоз, приближаясь к медведю. Завхоз дико, кроме того, колотит кулаком в чайник.

Медведь садится на карачки, смотрит с полминуты, потом...

Потом испуганно мчится прочь. Бежит, оглядывается, снова бежит. Только болотные брызги летят из-под его когтистых лап. Мы занимаем медвежью территорию и кипятим чай.

Скверные места!.. Негде достать палок для палатки, и спим в пологах, кое-как прикрепив их к скалистым камням...

28 июля, в жаркий, тихий день, преследуемые массой мошек и комаров, выступаем по западному скату Полярного Урала. Мы пересекаем две довольно крупных реки—одну близ перевала Кокпала—Западную Тумблову, а вторую далее—Малую Западную Харуту.

Дует западный ветер, всегда приносящий на западном склоне дожди. Мы останавливаемся около кустарника, раскладываем костер и начинаем расседлывать лошадей.

В это время нас встречает новый молодой медведь. Он, как и вчерашний, ищет полевок. Он видит нас, но обращает мало внимания. Иногда подходит близко. Пугать его нечем: чайник ведь занят кипятком.

Рабочий Панкин смеется и говорит руководителю:

— Иди, сними его на карточку. Ты все снимаешь...

И, попивая чаек, вздыхает:

— А ведь приедешь в деревню—не поверят! Ей-бо, не поверят!.. Ходит, как корова на поскотине. И людей не боится... Эх, жалость какая, ружья-то нет!..

— Смотрите! Еще один!—вскоре говорит завхоз.

Действительно, немного подальше бродит второй медведь.

— Иди чай пить!—кричим мы ему.

Опасаясь плохой погоды, мы направляемся обратно на восток. Войдя в узкое ущелье реки Харуты, мы вынуждены двигаться, все время переходя с одного ее берега на другой.

Ущелье узко, склоны его круты, скалисты и часто обрываются прямо в реку.

Бурные потоки мешают переправам. Голова начинает кружиться, если посмотреть себе под ноги. Отчаявшись, зигзагами поднимаемся по сланцам вверх на горы, где ехать оказывается не плохо, так как здесь преобладает травянистая тундра. Около полуночи натываемся на третьего медведя за эти сутки. Медведь быстро убегает от нас. Утром доходим до водораздела и спускаемся в долину реки Тумбуловой.

Чрезвычайная перемена в растительности показывает, что мы вступаем на восточный склон Полярного Урала. Вскоре перед нами уже выстраиваются зеленеющие лески, и, вспоминая голый западный склон, мы разбиваем здесь лагерь и устанавливаем палатки.

К 1 августа, как было условлено, все участники экспедиции, за исключением геолога, работавшего на Большой Западной Харуте, собираются на базе при реке Лапте. Топограф по пути к базе снимает последний чум на реке Нельке.

ГЛАВА XI

До 3 августа экспедиция продолжает находиться на базе, готовясь ко второй половине путешествия.

День на базе проходит так.

Первым встает рабочий Панкин. Он—обстоятельный мужик, чистоплотный, и на его обязанности лежит артельное кашеварство. Он разводит огонь и кипятит чай.

Пока закипит вода, Панкин сидит и обдумывает сегодняшнее меню.

— Макароны и кашу? Кашу и макароны? Все одно и то же!.. Надо бы похлебку гороховую с луком сделать....

Он облизывает аппетитно губы, потом недовольно фыркает:

— Не нравится она нашим. Тот раз, почитай, один всю ее съел.

В это время поднимаются остальные рабочие и путешественники. Доносится ржание лошадей, далеко забредших за ночь в горы. Их подгоняют ближе к базе и устраивают дымокуры от комаров.

После чая завхоз принимается просушивать сухари—самый нежный и неприятный груз. Несмотря на все предосторожности, сухари отсырели во выюках, а некоторые покрылись зеленоватой плесенью.

Один за другим уходят в горы руководитель, ботаник, зоолог и топограф.

Топограф долго присматривается к облакам и гадает:

— Будут они закрывать сегодня горы или нет?.. Только, понимаете, взберешься на гору, смотришь, а ее соседки, на которой поставлена вежа, уже не видно. Сплошь вся в обла-

ках! Вот сиди на горе и жди, когда облако-то соблаговолит улететь с насиженного места.

Зоолог заряжает ружье и мечтает вслух:

— Неужели я опять не встречу ее?

— А вы слышали хотя бы ее голос?—спрашивают его.

— Эх, сколько раз!—вздыхает он.—Ведь она бодрствует круглые сутки! Вскочит где-нибудь на камень и резко кричит. И так через каждые полчаса. На ее крик начинают

База на реке Лапте.

отзываться другие... Потом переключка эта постепенно затихает!

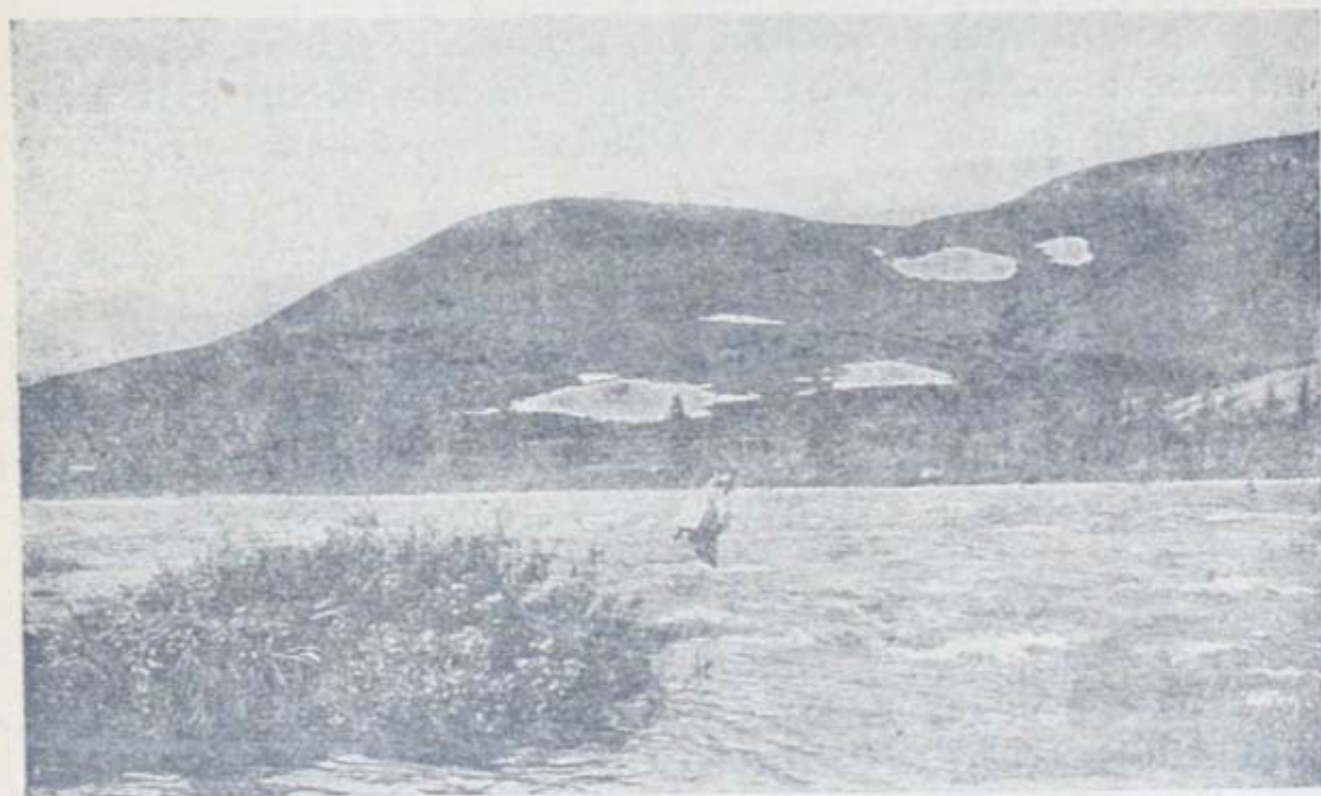
В прошлом году северо-уральская экспедиция привезла какие-то неведомые колобашки, в роде черного перца.

Зоологическим музеем было выяснено, что это—помет северной пищухи, зверька, который вообще водится только в районе Восточной Сибири. Нынче Зоомузей поручил зоологу выяснить: действительно ли имеется в Полярном Урале

пищуха? Зоолог подтвердил это, он уже несколько раз видел пищух, слышал их характерные голоса, но убить пищуху пока что ему оказывалось не по силам.

— Зрение у них,—жалуется он,—развито, видимо, так же хорошо, как и слух! По крайней мере, когда подходишь к пищухе против ветра, на открытом месте, она издали замечает и убегает... Ну, да ничего!.. Я ее все-таки настигну!..

К вечеру все возвращаются с гор, обедают, наливая суп или набирая кашу в котелки. Затем ботаники принимаются

Астроном переносит хронометры через реку.

перебирать растения. Они раскрывают сетки и меняют отсыревшие суконки, в которых в листах бумаги сушатся растения; точно заботливая мать, заворачивают они цветы в свежие пеленки.

— Эх,—подходит рабочий Панкин к зоологу, который вроде мясника, прямо на коленях, потрошит своих мышей, попавших в капканы,—хоть бы дичину какую убили! Мясца-то давно не видели. Все каша да каша!

— Откуда я ее возьму? В Полярный Урал, милый, птица добрая не летит. Ей тут жрать нечего будет!

— Как с геологическими коллекциями быть?..—печалится завхоз.—Очень уж они тянут! Все банки из-под масла заби́ли камнями. Скоро и класть-то некуда будет.

— То ли дело мой груз!—восхищается астроном, не покидающий днем лагерь. — Мои коллекции!

И он вынимает из кармана две тоненькие записные книжки со своими наблюдениями.

— Это-то верно, но зато ваши хронометры...

Хронометры—чрезвычайно нежные создания. Они помещаются в мягких гнездах ящика, общим весом в 10 килограмм. Их нельзя возить на лошадях, и рабочие носят их за плечами.

— Точно воду в блюдце таскаешь,—сердится всегда рабочий, выслушивая наставления астронома.—Шагай ровнее, не трясись, а то расплескаешь... Выдумщики!..

Третьего августа северо-уральская экспедиция выступает на обследование южной части маршрута. Одним белым пятном на картах Полярного Урала стало меньше.

ГЛАВА XII

Итак, вторую половину скупого полярного лета экспедиция посвятила южной части маршрута.

Мы двигались отрядами вдоль восточного склона Большого Урала. Шли широкой долиной между Большим и Малым Уралом, придерживаясь верхнего предела лесов, где чаще гуляет ветер и потому меньше смертельно надоевших комаров.

К 10 августа леса плотной стеной встали перед нами и не хотели пускать нас в свои заповедные владения. Вьюки то и дело цеплялись за ветви деревьев и сбрасывались безжалостно на землю. Лошади хромали. Они звякали о камни подковами, потом совсем теряли их, сбивая себе копыта.

Новых подков у нас было сколько угодно, но завхоз забыл прихватить подковных гвоздей.

— Мне даже они во сне сейчас снятся!—с тоской признавался он.

— Лучше бы они приснились вам в Мужах! — говорили ему мы.

Вечером одиннадцатого мы остановились на реке Большая Харута. В сумерках развели костер и приготовились обедать. Неумолкаемый крик пищух раздавался вокруг. Зоолог то брался за ложку, то инстинктивно хватался за ружье. Вдруг одна из пищух, видимо самая смелая и любопытная, выскочила на близлежащий камень, озаренный ярким пламенем костра.

Ее резкий голос был прерван ружейным выстрелом. Все мигом смокло, только горы подхватили ружейный рев и эхом передавали его своим соседкам как последнюю неожиданную новость.

Зоолог, прижимая ружье, вскочил и ринулся к камню. Тотчас послышался его торжествующий клич:

— Убил!!

Он принес теплую еще пищуху и показал ее нам, не выпуская добычи из рук.

— Наконец-то!—в волнении шептал он и гладил ладошкой мягкую шерсть пищухи.

— Ну-с! — сказали ему мы. — Исполнен долг, завещанный вам от Зоомузея. Теперь кушайте кашу!

— Нет. Я не хочу есть!—и он решительно отодвинул котелок с слегка подгоревшей кашей.—Я задержусь здесь и добуду еще пищух. Здесь их, видимо, очень, очень много!

Утром мы оставили зоолога на его временном бивуаке.

Прощаясь, он посмотрел прямо в глаза завхозу и сказал:

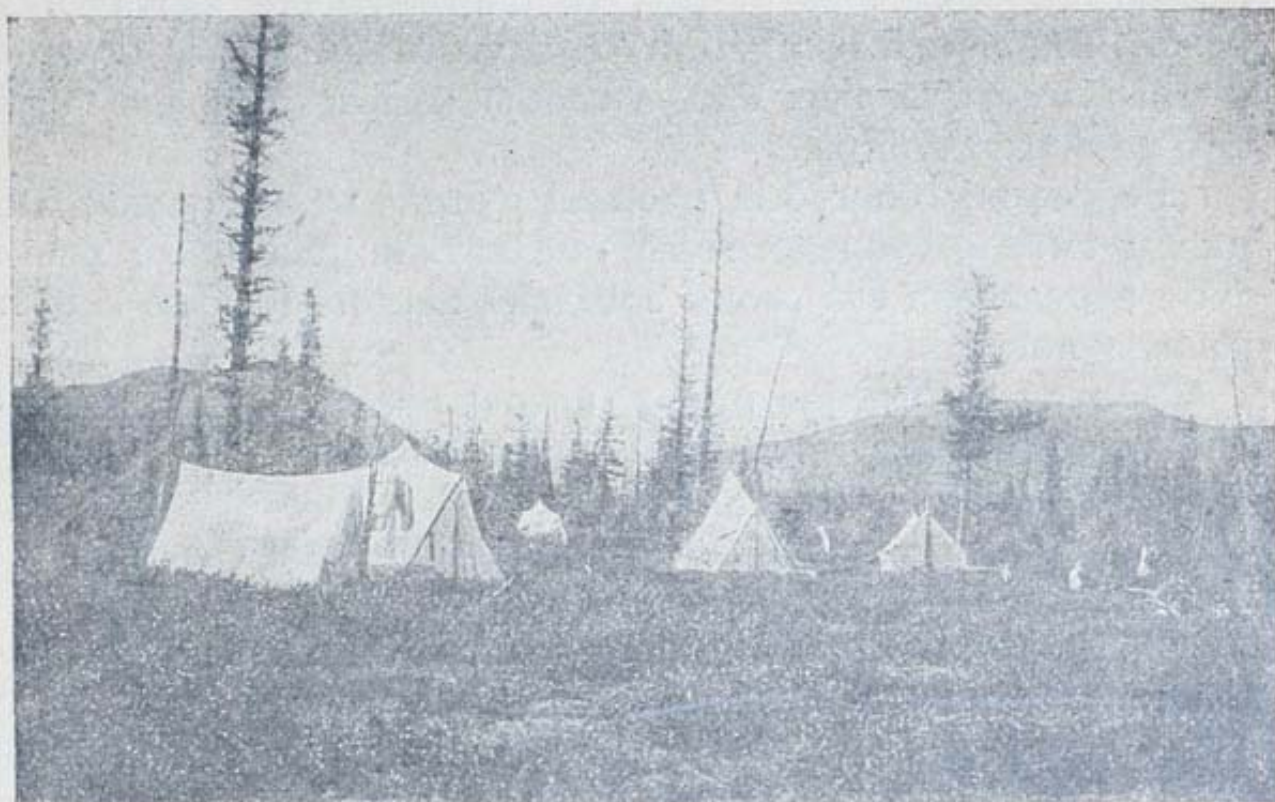
— Послушайте, нет ли у вас все-таки табачку? Ведь скучно так?

— Ей-богу, милый, нет! — сказал завхоз и даже сделал попытку вывернуть свои засаленные карманы.

Недостаток, табака был истинным бедствием для курящих членов экспедиции. Истребив табак до крошки, они перешли на раскурку листьев и мха. Особенно отличился рабочий Панкин. Он изобрел какой-то удивительно крепкий ароматный табак. Все курили его и похваливали.

— Откуда вы достаете этот чудесный табачок?—интересовались курильщики.

— А вот,—указал Панкин на какие-то катышки, валявшиеся под ногами.

Лагерь на реке Хулге.

— Чорт!—возмутился зоолог.—Да это же помет полярной куропатки!!

И, не докурив, бросил тлеющую цыгарку.

К 13 августа кончилась широкая долина, ее сменили предгорья Северного Урала.

Осень не забывала нас. Ночью 13 августа пал первый серебристый иней. Вода в чайниках покрылась тонким льдыстым слоем.

Наконец, 14 августа мы вступили в бассейн реки Ляпина, двойное верховье которого известно под именем Хулги.

Ляпин был крайней точкой нашего маршрута. По Ляпину начальник и геолог должны будут спуститься на лодке вниз до селения Саран-паула и далее — до города Березова.

Долина Хулги, куда мы вышли, была очень живописна. Она узка и ограничена высокими габбровыми горами, украшенными внизу густыми зеленеющими лесами, а выше — разорванными островками ольховника.

Между тем как геолог и топограф подвигались дальше по восточному склону, а астроном занимался на Хулге, начальник, ботаник и завхоз работали в горах Северного Урала.

На вершине одной из самых высоких гор мы заметили какое-то странное грязно-белое пятно. В бинокль было отчетливо видно, что это не снег. Заинтересованные находкой, мы начали подниматься на гору. Над головами тревожно каркали вороны: вероятно, где-то поблизости находились их скрытые гнезда. Стайки горных куропаток совершенно безбоязненно порхали перед нами. Камнем мы убили одну куропатку.

Мы поднимались все выше и выше. Таинственное белое пятно, венчавшее вершину горы, то скрывалось, то вновь являлось перед глазами.

— Не клад ли это какой? — сказал ботаник.

Тяжело дыша, мы старались ускорить свои шаги. Мелкие камни выкатывались из-под ног.

— Ба!.. — наконец, громко воскликнули мы. — Да это, кажется...

На узенькой площадке вершины сверкал под солнцем скелет оленя. Как он попал сюда?

Может быть, в предсмертной тоске, отыскивая укромное местечко, с невероятным трудом, спотыкаясь и падая, взобрался олень на эту гору. Оглядел потухающими глазами знакомое горное плато, изрезанное хрустальными речками,

в которых он не раз пил холодную воду. Взглянул на прошлогодний и свежий блистающий снег, покрывающий соседние вершины, и, стараясь запечатлеть все это в своей короткой памяти, вытянулся и издох...

20 августа близ перевала Хайма мы наткнулись на свежие следы оленеводов. А скоро, выйдя из ущелья, увидели большое стадо оленей, бродившее по склону горы. Трое пастухов—зыряне и самоед—сопровождали оленей.

Встреча с оленеводами.

— Здравствуйте!—приветствовали мы пастухов.

— Здравствуйте!—на чистом русском языке отвечали они.

— Как называется та река, по которой мы шли? Хулга?—спросили мы.

— Нет!—сказали они, покачав головами.—Это не Хулга, а Сыня!

— Сыня?! Не может быть!!

Для нас это было очень неприятное известие. Надо было идти, значит, еще дальше, чтобы достигнуть в конце концов Хулги, иначе говоря, реки Ляпина. Мы остановились пока что у пастухов. Их стадо принадлежало богатому зырянину-оленоводу из Саран-паула. Пастухи жили налегке, чум их хозяина стоял километрах в тридцати. Они обходились ма-

Оленеводы-пастухи в верховьях Хулги.

ленькой самодельной палаткой. Из-за недостатка топлива они ели мясо большей частью сырым и только изредка кипятили себе чай.

Вокруг все мелкие кустарники были лишены листьев, точно стояла уже глубокая, поздняя осень. Вся листва была объедена прожорливыми оленями, предпочитающими летом зеленый корм ягелю и другим лишайникам. Мы ночевали у пастухов, пристроив палатку к вздыбленным нартам.

Вечером, когда солнце последний раз показалось в ущельи, пастухи пошли к стаду.

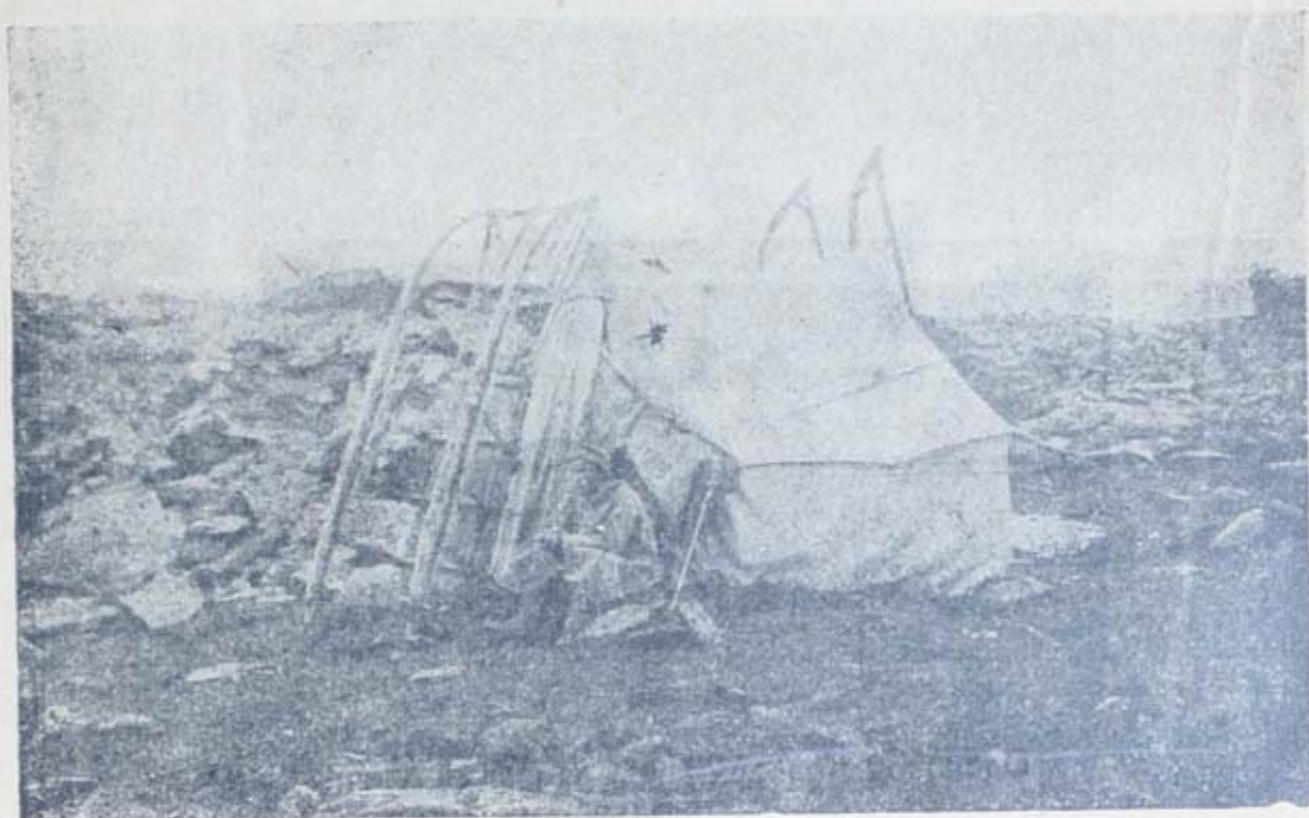
— Мы больше и двигаемся за стадом!—на прощанье
скизали они.— Живем, как олени. Да потом и кричать надо.

— Зачем кричать?

— Отгонять волков. Много они дают оленей. Иногда
два-три оленя в ночь, а зимой у-ух, до 20 оленей в ночь!

— Долго вы будете в горах?

— До начала сентября. Затем к чуму погоним стадо, там
будем бить оленей, а со снегом пойдем в Саран-паул.

Палатка экспедиции в верховьях р. Хулги.

— А все-таки,—еще раз с тщетной надеждой спросили
мы,—это не Хулга?

— Нет! Это—Сыня! Сыня!—отвечали пастухи.

В результате этого разговора ботаник с рабочим были
отправлены обратно к стоянке экспедиции с приказанием
перевезти имевшуюся у нас лодочку на следующую реку.
Она, полагали мы, уже без всякого сомнения должна при-
надлежать бассейну реки Ляпина.

Туманным утром ботаник покинул нас. Дорогой он заблудился, его едва не унесло течением при переправе через одну из рек. Всю ночь дрожал под проливным дождем... А в конце концов оказалось, что мы были правы. Река, по которой мы шли, и была на самом деле Хулгой, а не Сыней, как утверждали ошибочно наши короткие знакомцы-пастухи.

В это время начальник и завхоз с двумя наиболее надежными вьючными лошадьми отправились в верховье реки Грубею.

30 августа они увидели на берегу реки костер. Он еще дымился, и угли его краснели, покрываясь пеплом. Около костра в куче камней висился шест с тряпкой.

Под камнями нашлась малопонятная записка ботаника. Он сообщил, что лодку перебросили и геолог ждет начальника на следующей речке. Начальник тотчас пошел к следующей речке, но не нашел там и следов пребывания человека.

Поздно вечером, усталые и замерзшие после путешествия по горам, болотам и ледяной воде потоков, мы разбили палатку. Ночью, несмотря на защиту гор и леса, палатку едва не снес сильнейший западный ветер. Утром мы решили оставить поиски геолога и двинуться обратно к лагерю.

1 сентября прибыли в лагерь, но застыли там только ботаника: завхоз и другие члены экспедиции ушли уже к лодкам, которые летом были оставлены на реке Сухой Сыне. Таким образом пришлось геологу одному плыть в лодке. Мы не боялись за него, потому что он был испытанным путешественником.

ГЛАВА XIII

— Послушайте!—тревожно сказал зоолог завхозу, когда они стали приближаться к лодкам и складу.—Здесь что-то неладное?!

Точно ураган пронесся над складом. Аккуратно сложенные вещи, покрытые брезентом, были раскиданы и разбросаны. Брезент сорван, кусок из него хищнически выдран.

— Да это медведь здесь был!!—воскликнул завхоз.

— Эх,—печально сказал зырянин Филипп.—Не помогла и моя веревочная ограда! Не побоялся он ее!

Кругом валялись жестяные банки, вся поляна была усеяна гербарной бумагой. Слабый ветерок шелестел серыми листиками, слегка уже почерневшими от дождя.

— И ящики все разбиты!—в отчаянии разводил руками завхоз.—Будь он проклят, мерзавец, разорвал когтями жестяные банки и аккуратно их вылизал!. Смотрите, лучше всякой кухарки вымыл их языком!

Только банки, наполненные кусками колотого сахара, остались нетронутыми. Видимо, медведь, схватив их лапами, испугался, услышав, как загремел сахар.

— Да не ходите вы там!—закричал завхоз на рабочих.—Крупа ж под ногами у вас! Всю крупу рассыпал и с песком ее смешал!..

— Мои шкурки, мои шкурки!..—жалобно повторял зоолог, находя там и сям свои шкурки.—Он их обсосал!!

Медведю, вероятно, хотелось очень хлебнуть спиртного. Он разбил стеклянные банки со спиртом, вылакал весь спирт и даже слизал спирт со шкурок, которые сохранялись в банках.

— Это похоже на тщательный обыск,—сказал завхоз.—Но правосудие восторжествовало! Это ему не прошло даром. Он катался, вырывал с корнем мох...

Мох повсюду был выдерган, а под одним из деревьев мох и трава оказались сильно примятыми: наверное, медведь долго лежал, очухиваясь после спирта и мышьяка.

— Нет ли где его труп?—заинтересовался зоолог. Он осмотрел все окрестности, но медведь, конечно, отлежался и ушел во-свояси опохмеляться ягодами...

В итоге этого разгрома наше продовольствие, и без того очень оскудевшее, сильно уменьшилось. Кроме того,

погибли почти все зоологические и ботанические коллекции, со бранные на реке Сыне...

ГЛАВА XIV

Наступала осень.

3 сентября вся экспедиция, за исключением геолога, отправившегося все-таки по реке Ляпину, подтянулась к лодкам. Астроном с одним рабочим в маленькой лодке, арендованной летом у остяка в юртах Ай-ваш-горт, поплыл вниз по Сыне, чтобы заняться астрономическими наблюдениями.

Вечером 4 сентября мы слышали крики остяков. Их караван тянулся по склону горы. Они уже начали кочевать с гор в юрты.

Остяки с реки Сыни обычно идут по перевалу Кокпала, проводят страшное комариное время в горах, а затем, когда спадает комар, в начале сентября возвращаются обратно.

Холодная погода последних дней сильно сократила таяние снегов в горах, и река Сыня резко обмелела. В некоторых тихих заводях утрами уже поблескивал лед толщиной в полсантиметра. Горы поблекли. Их нарядные зеленые вершины превратились в буро-красные, главным образом благодаря полярной березке, которая, увядая на долгую зиму, ярко краснеет.

Астроном за работой.

Восьмого сентября мы наблюдали первое северное сияние.

Темная ночь. Ясное небо. И вдруг в северной части его вспыхивают зеленовато-бледные пятна. Они сверкают и тухнут, то опять сливаются в один колыхающийся занавес. Сияние было довольно слабое: сквозь него туманно просвечивали далекие звезды.

Экспедиция разделилась на два отряда: один с главным грузом должен был спуститься по Сыне на большой лодке, второй—конный—отправился сухим путем по берегу.

Тяжелую лодку приходилось сплошь и рядом тащить на руках, бредя по колена в неимоверно холодной воде. Сапоги у нас сильно износились. Некоторые сменяли уже третью пару. И все-таки даже частые ледяные ванны никак не отзывались на нашем здоровье. Настолько был чист полярный воздух, лишенный всяких вредоносных бактерий.

Иногда нам доводилось разгружать лодку, порою нам помогали тащить ее бечевой лошади.

Мало-по-малу перекаты как будто бы делались глубже. Впрочем, мы почти постоянно слышали, как лодка чиркала и царапалась дном о мелкие камни. Течение крепло, помогая веслам. Только править было очень трудно. Перегруженная лодка несла на себе горб вещей, и из-за него ничего не было видно рулевому.

12 сентября во время перехода через один перекат лодка неожиданно ударилась и застряла между подводными камнями.

Топограф, сидевший на багаже у мачты, — он вел съемку, — упал. Его записная книжка, раскрывшись, весело полетела вниз по течению. Мы попробовали повернуть лодку шестами, но она накренилась, и вода хлынула через край, мигом затопив всю лодку.

Мы выскочили из лодки, едва удерживаясь на ногах, сбиваемые могучим течением. Лодка прочно сидела в камнях. Мы стояли на середине реки, цепляясь за борта нашего

ущемленного корабля. А вода победоносно и шумно струилась поверх бортов.

Опираясь на весла и шесты, мы начали перетаскивать к близлежащей песчаной каменистой мели кое-какие верхние тюки. Но, сходяв так два раза, мы окончательно выбились из сил. Не было возможности противостоять течению и тягостно-холодной воде.

Тогда решили пускать по воде все, что могло плавать. За перекатом виднелось тихое место. Там встали по грудь в воде ловильщики и принимали вещи, которые, покачиваясь на волнах, подплывали к ним. Но не все удавалось

Разгрузка лодки на перекате.

схватить: мимо прокатил ящик с кипрегелем—топографическим инструментом. Топограф, оставляя позади себя мокрые следы, бросился по берегу и в конце концов словил беглеца, а заодно—застывшую у камня записную книжку. Он потом подсушил ее. Благодаря тому, что страницы книжки были исписаны простым карандашом (химический

карандаш никогда не употребляется в экспедициях!), удалось восстановить тусклый текст и сохранить результаты съемки.

Не доплыв до ловильщиков, утонул на глубоком месте ящик с посудой, и мы остались все с одной чашкой. Утонула одна палатка. Но горе было не в этом: промокли ботанические коллекции и почти все наше жалкое продовольствие, и без того уже так жестоко пострадавшее от медвежьего аппетита. Сахар, которым не удалось полакомиться тогда медведю, погиб теперь весь, едва ли заметно подсластив реку Сыню.

Мы разгружали лодку, складывая оставшийся багаж прямо на дно реки. Скоро вырос остров: фундаментом ему служили жестянки с геологическими коллекциями. Работали посменно. Часть членов экспедиции, изнемогая от холода, грелась у костра, разожженного на берегу. Потом опять шла в проклятую воду и освобождала товарищей по несчастью. Наконец, лодку сдвинули с места. Она рвалась вперед, как испуганный конь. Кое-как вычерпали воду и снова сгрузили в нее островок. Затем вскочили сами и понеслись, держа курс на костер. Однако вода все же набегала в лодку: вероятно, где-то была трещина. У костра обогрелись и решили ехать дальше к первым юртам Еврей-горт. К счастью, мы заметили на берегу лошадей нашей конной партии. Мы переложили часть груза на лошадей, договорившись встретиться с ними в юртах Еврей-горт.

Вечером, не доплыв из-за перекатов до юрт Еврей-горт, пристали к удобному берегу. Воздвигли на берегу козлы и развесили на них свои вымокшие одеяла, подушки и белье. Особенно пострадали олени малицы (меховая одежда) зырян-рабочих. Малицы расползлись и раскисли, как кисель.

Хорошая солнечная погода следующего дня помогла нам подсушиться как следует и выяснить истинные размеры постигшего бедствия. Больше всех понес убытка зоолог. Его шкурки полевок, любовно набитые ватой, погибли. Только знаменитые пищухи оказались спасенными и уце-

тели. Порох, мука промокли. Приходилось торопиться, так как продовольствия почти не было уже совсем. Из остатков муки варили болтушку. Лодку вытащили на берег и нашли в ее гладко отполированном камнями дне большую рану. Прокол.

14 сентября достигли юрт Еврей-горт. Там забрали с лошадей переданный им груз и пошли вниз, приближаясь к устью реки Сыни. Во встречных юртах, пустынных летом, теперь кипела жизнь.

Появились хозяева-остяки, пришли зыряне для приобретения рыбы. Повсюду на берегах стояли чумы около лодок с берестяными крышами, и шел рыбный торг. Даже мелькнул паровой катер, прибежавший в факторию юрт Ов-горт за рыбой. Остяки приходили к нам и расспрашивали о состоянии стад на Урале. Большинство из них имеют небольшое количество оленей, которые пасутся в сборных стадах. Остяк, обладающий 150 оленями, считается здесь богатым.

Мы не узнавали старые места. Весною все было залито водой. Нынче сора обмелели, а леса стояли на заметно выросших берегах.

В 6 часов вечера 18 сентября мы прибыли в село Мужи, где застали конную партию и астронома. Геолог же благополучно спустился по Ляпину до Саран-паула и далее по реке Сосве до города Березова.

Дождавшись парохода, 8 октября мы дотянулись до Тобольска, а в конце месяца в разные сроки приехали в Ленинград.

Каковы же были итоги этой богатой несчастьями и приключениями экспедиции?

Несмотря на гибель некоторых коллекций, мы все-таки вывезли ботанические, зоологические и геологические сборы. Мы изучили эту неведомую и неизвестную дотопе страну. Теперь мы знаем высоту ее гор и виды ее горных пород. Нам ведом ее растительный и животный мир, а также и быт туземцев, скупо населяющих Полярный Урал...
